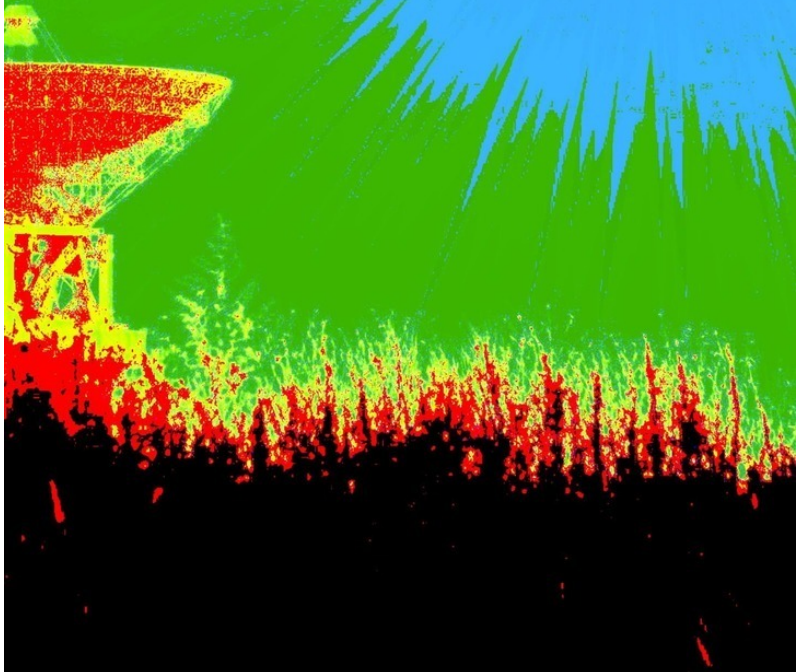

Михаил Орлов

МАЯК

Михаил Орлов

Маяк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36054519

ISBN 9785449318534

Аннотация

Сплав по таежной реке в компании приятелей – отличный способ сбежать от проблем. И это не простой поход, а настоящая экспедиция по поиску упавшего метеорита. Но заказчик не тот, за кого себя выдает. Когда выясняется, что он слышит голоса, уже слишком поздно поворачивать обратно. Это безумие, или на дне лесного озера действительно скрывается нечто, передающее сигналы? Иногда разум идет вразрез с совестью. И решившись на поступок, следует быть готовым принять его последствия.

Маяк

Михаил Орлов

© Михаил Орлов, 2018

ISBN 978-5-4493-1853-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я увидел его сквозь стекло, когда он еще только собирался войти. Когда же его крупная фигура заполнила собой тесное пространство павильона, я даже испытал что-то вроде гордости за себя. Всё-таки я – образцовый неудачник. Таких поискать. Идеальный собиратель негативной статистики. А я-то был уверен, что всё предусмотрел, и вероятность попасться стремится к нулю. Но случай распорядился иначе.

Он оказался там почти случайно – я тоже. Он заехал после работы за банкой лака – буквально на пять минут. Меня вызвали с производства подменить продавца – не больше, чем на пару часов. Он спутал дверь, и открыл не ту, за которой скрывались «Лаки, краски, политура», а соседнюю, под вывеской «Двери и окна, производство и продажа». Он уставился на меня, я на него. От него пахло парфюмерией и той штукой, которой мама сбрызгивает рубашки, прежде чем пустить их под утюг. Было странно ощущать этот запах здесь,

на строительном рынке, как если бы летом на рыбалке вдруг запахло мандаринами.

– Что ты здесь делаешь? – спросил отец, оглядывая ярко освещённый узкий бокс, заставленный дверными полотнами.

– Работаю, – с неожиданным облегчением честно ответил я.

Он медленно исследовал меня взглядом, с головы до ног, пока не сосредоточился на тряпичных кедах, пожелтевших от древесной пыли. Кеды выглядели вызывающе поношенными.

– А университет?

– Бросил, – ответил я, чувствуя, что на лицо так и просится улыбка.

– Давно?

Я только кивнул.

Это случилось два года назад, и это был мой первый настоящий, осознанный поступок. Казалось, я предусмотрел всё: у меня был разработан чёткий план, согласно которому я рассчитывал прожить ещё год, до того дня, когда мне полагалось бы получить диплом. Вместо диплома я намеревался выложить перед отцом его деньги, выделенные на моё образование; деньги хранились на депозитном счете в надёжном банке. Вместе с деньгами предполагалось выложить правду: с университетом я распрощался, и сделал это без сожаления. Учиться было не интересно. Вписаться в студенческое сооб-

щество у меня не получилось. За два года учёбы на дневном отделении я так ни с кем и не сдружился. Дружить было не принято, сама среда университета, не дружеская, но конкурентная, не способствовала возникновению тесных контактов. Сокурсники, по большей части дети состоявшихся и состоятельных родителей, только и делали, что выясняли, кто из них круче; я не мажор, в эти игры не играю. Хотя, теоретически, мог бы. Мне повезло родиться сыном владельца сети строительных магазинов. Наверное, слово «повезло» следует взять в кавычки: моя жизнь никогда не казалась мне простой. Настоящей нужды я никогда не знал, мать могла себе позволить не работать, полностью посвящая своё время моему воспитанию. Это всерьёз тяготило меня: до самого выпуска она лично отвозила меня в школу и забирала после уроков, сопровождая на занятия иностранными языками, которые мне плохо давались в силу моей плохой памяти, или в спортивных секциях, где я тоже не делал успехов из-за несколько замедленной реакции. Отцовское разочарование я ощущал буквально кожей. Всё, что я мог, это как можно реже попадаться ему на глаза. К выпускному классу, когда пришла пора определиться с институтом, обстановка в доме сделалась невыносимой. Когда я осторожно заводил речь о своем будущем, отец заводился: разговоры пресекались его резкими высказываниями насчет того, что я слишком посредственен, чтобы самому решать свою судьбу. Куда мне поступать после школы, выбора не стояло: отец рассчитывал,

что я войду в его бизнес, с перспективой впоследствии принять его на себя. Когда я объявил, что не испытываю желания становиться менеджером, в семье разразился скандал. Меня осудили за безответственность, обвинили в отсутствии совести; дело закончилось вызовом неотложки. В результате мне вменили в вину доведение матери до предынфарктного состояния. Вероятно, так оно и было, так что мне пришлось покорно принять свою судьбу, и постараться хорошо учиться там, где мне не хотелось даже появляться.

Усилия были вознаграждены: на восемнадцатый день рождения я получил в подарок не только военный билет, но и небольшую квартиру по соседству с родительской. Предполагалось, что это научит меня ответственности.

Так и вышло. Едва вырвавшись из-под родительского контроля, я бросил университет, и устроился на работу. Внешне всё шло как обычно, я уходил по утрам, и проводил вечера за книгами. Я всё же собирался получить высшее образование, пусть даже лишь для того, чтобы не слишком разочаровать свою семью. Поступил на заочное, и через пару лет должен был получить диплом технолога деревообработки.

Наверное, это генетическое. Я не перенял у родителя ни воли, ни остроты ума, ни скорости реакции, ничего, необходимого хорошему управленцу, но в полном объёме унаследовал отцовскую страсть к ручной работе, в особенности, с деревом. Свой редкий досуг он проводил в пригороде, где за высоким глухим забором в охраняемом посёлке он свои-

ми руками строил дом. Дом не был целью, отец получал удовольствие от самого процесса возведения, он создал проект, нашёл участок, залил фундамент; сам придирчиво выбирал материалы, сам пилил, сколачивал, тесал и полировал. Это был его способ отдыхать, то занятие, которое доставляло ему наибольшее удовольствие. Разумеется, в нашем доме имелся инструмент: пилы и рубанки, перфоратор, шлифовальная машина и даже ручной фрезер. Благодаря отцу я с детства умел им пользоваться, и делал это с таким же удовольствием, как и он. Но он и слышать не хотел о том, что это увлечение могло бы стать моей профессией.

Я же пошёл ему наперекор, и со страхом ждал дня, когда мне придётся в этом признаться. Я знал, что отец придёт в ярость. Знал, что он обвинит меня в неблагодарности. Будет упрекать лёгкой жизнью. Станет в сотый раз пересказывать, как тяжело жил он сам, как ему, уже взрослому человеку, пришлось заново учиться, и как трудно было заработать на первую квартиру. Чего стоило открыть свой первый магазин. Как отдавал долги. Как гробил здоровье, зимуя в железных боксах на строительном рынке, как в двадцать пять лет приобрёл ревматизм. Он непременно напомним, что делал всё это лишь ради того, чтобы моя жизнь была легче, чем его.

Я надеялся, что за оставшееся время смогу найти, чем ему возразить и как оправдаться. Но высшие силы вмешались, и повернули дело худшим образом – отец застучал ме-

ня именно в узком боксе строительного рынка, пятничным вечером в разгар бабьего лета, когда безоблачное небо уже начало темнеть. Теперь он стоял прямо передо мной, глядя куда-то вбок от моих коленей. Я ждал, что он начнёт задавать вопросы, и я буду на них отвечать. Главное, не позволить ему убедить себя, что я поступил неправильно. Но он не удостоил меня беседы.

– Совести у тебя нет, – произнёс он и вышел, плотно затворив за собой дверь.

К моему лицу прилила кровь. Я выскочил вслед за ним на уже остывающую улицу. Воздух пах свежестью. Отец уже погружался в свой джип. Я придержал дверь:

– Папа...

Он, не глядя на меня, показал жестом – отойди, и я подчинился.

Он уехал, я остался стоять на улице, глядя в сиренивевое небо над подсвеченными вывесками торговых точек. Небо, почему ты меня не слышишь? Что тебе стоит расставить звёзды так, как я тебя умоляю? Ты же всё можешь, небо. Почему же ты никогда не прислушиваешься ко мне? Не исполняешь моих желаний? Я слишком много прошу, или просто – недостоин? Наверное, у меня и вправду нет совести, раз я пытаюсь вмешать небо в свои земные дела.

К девяти часам рынок окончательно опустел. Теперь я со стаканом разбавленного пива сидел в блинной возле мет-

ро. В тесном заведении людно, молодёжь стайками теснится за столами, народу больше, чем стульев, многие девушки сидят у парней на коленях. Блинов они не едят, перед ними только напитки, стаканов меньше, чем человек за столом. Темноликая уборщица возит сырость вокруг их ярких кроссовок. Я с завистью прислушивался к взрывам хохота. За те пару часов, что прошли с нашей встречи с отцом, шок прошёл, и облегчение от досрочно состоявшегося признания сменилось предчувствием тяжёлого объяснения дома. Я слишком хорошо знал отцовскую манеру брать паузу: пока я метался от растерянности к отчаянию, он, попутно заводясь, обдумывал каждое слово, которое собирался произнести, формулируя фразы и выстраивая речь так, что я не имел ни возможности, ни желания возражать. Подготовленная отцовская речь действовала гипнотически, я боялся поддаться и снова угодить в вязкую бытность непутёвого студента: слишком привык жить самостоятельно, и как ни давил на меня груз вины за обман, моя новая жизнь мне нравилась. Я знал, что из словесного поединка с отцом я, скорее всего, выйду проигравшим. Но я собирался дать себе шанс, и решил использовать его же оружие – перерыв.

Новый план уже созрел: какое-то время просто не буду попадаться ему на глаза. Вот только как это сделать, живя с ним в одном подъезде? Ночевать на работе? Ему ничего не будет стоить разыскать меня там, если он того захочет. А если он захочет, то тогда, найдя, он обрушит на меня

свой гнев. Нет, не вариант. Остаётся обратиться к друзьям. Я вытащил телефон – ни одного пропущенного вызова. Открыл список контактов, прокрутил его раз, другой. И сам себе не поверил. Разве может такое быть, чтобы у человека совсем не было друзей?! В моём списке семь десятков контактов! Десяток бывших одноклассников, десяток бывших сокурсников, пяток нынешних, репетиторы, преподаватели. Несколько контактов по работе. Родня. Отец – рабочий один, рабочий два, два мобильных, домашний. Поликлиника, справка в бассейн. Наталья – училась параллельно, телефон списал из их классного журнала, год собирался позвонить, так и не собрался. Теперь уже не хочу. Маша – этой звонил, много, и она звонила. Дело прошлое. Телефон можно удалить, да и номер она наверняка уже поменяла. Пара приятелей со двора. Несколько голых номеров, без имён, теперь уже не вспомнить, кому они принадлежат. И никого, к кому можно попроситься на ночь. С горьким чувством я опрокинул в себя остатки пива, и в лёгком хмелю принялся вновь просматривать записную книжку, пока не уставился на номер, по которому вдруг захотелось позвонить.

Его звали Васей, и это был мой единственный приятель, которого одобрял отец. Сын его бывшего сокурсника, а впоследствии и бывшего партнёра. Кажется, двадцать лет назад они вместе наживали ревматизм на строительном рынке. Кроме того, по молодости лет их объединяла общая страсть к туризму, и, пока ревматизм не внёс свои коррективы, они

ежегодно ходили в туристические походы, бывало, что дальние. Со временем их вылазки случались всё реже, и к моменту, как я достаточно вырос, они почти прекратились. Но случилось так, что друг отца ушёл из семьи, и ушёл по-плохому, так, что почти лишился возможности видеть своего ребёнка, их трагедия обернулась удачей для меня: ради того, чтобы отец имел предлог забрать сына из дома на целых две недели, походы были возобновлены. В качестве компании для Васи брали и меня.

Он был старше меня на год или два, но отличался взрослой рассудительностью, всегда имел при себе книгу, всё свободное время читал, или приставал к взрослым с просьбой поиграть с ним в шашки, компактный набор которых постоянно находился в его кармане. Он был тем сыном, о котором мечтал мой отец. Васиного же отца я почти не помнил, зато помнил его гитару и то, как он пытался научить нас брать простые аккорды: у меня почти ничего не получалось, у Васи же были гибкие пальцы, но не было интереса к музицированию. Искусствам он предпочитал науки.

Впоследствии именно благодаря Васиной безупречной репутации меня отпустили в первый «взрослый» поход, без родителей, с ночёвкой. Отец лично вверил ему мой рюкзак и ответственность за мою сохранность. Это было довольно унижительно, но Вася и не думал смеяться, за что я до сих пор ему благодарен. Поход организовывал Васин давний приятель, цепкий, колючий тип по фамилии Драгин, ко-

того друга за глаза называли Вождём. Он был старше настолько, что казался мне совсем взрослым, да и характерами мы не сошлись – слишком уж он напоминал мне отца своей манерой решать всё и за всех. Однако та поездка стала для меня таким глотком свежего воздуха, что из чувства благодарности я, стараясь ничем не раздражать Вождя, вёл себя послушно и угодливо. Очевидно, Вождь оценил мою покорность, так что на следующий год меня снова пригласили в компанию. И ещё через год тоже. Несмотря на тяготы туристической жизни, вроде отсутствия маминой стряпни и вечных расчёсов от комариных укусов, эти поездки были для меня настоящим удовольствием. Вероятно, это тоже генетическое, и отец, в общем, понимал меня, хотя и считал, что я не заслуживаю развлечений. Но его доброе отношение к Васе, и тот факт, что мне уже исполнилось восемнадцать, сделали своё дело, так что я получил исключительную поблажку.

И теперь выходило так, что Вася оказался, пожалуй, единственным человеком, к которому я мог обратиться, если не за ночёвкой, то хотя бы просто поговорить. К тому же, он жил всего в двух станциях от блинной, в которой я окопался. Только бы он оказался дома.

Он оказался, однако сразу признался, что говорить ему сейчас неудобно – занят. Спросил, скорее для приличия, не случилось ли чего. Я не стал ничего выдумывать, сказал как есть:

– С отцом проблемы. Мне бы смыться из дому. Хотел напроситься, но раз ты занят – не буду.

– Надолго? – после некоторой паузы уточнил Вася.

– Напроситься?

– Смыться из дому.

– Чем дальше, тем лучше, – усмехнулся я в трубку.

– Слушай, дуй-ка ты сейчас ко мне, – с неожиданным энтузиазмом предложил Вася, – Адрес помнишь?

Конечно, я помнил. Пообещав позвонить от подъезда, я счастливо направился к метро. Неужели, небо меня всё-таки услышало? Или, это простое совпадение?

Я помешал – это было ясно с порога, по Васиному озабоченному лицу, по ударившему в нос знакомому запаху дыма и резины, по выставленным в углу прихожей вёслам. А еще по тому, что в прихожей меня встретил Драгин. Вот уж, кого не ожидал, подумал я с уколом ревности – очевидно, они только из похода. А меня в этот раз не звали.

– Лаперуза! – звучно воскликнул он, оттесняя Васю, чтобы поздороваться. – Вовремя чёрт тебя принёс! Судьба! Значит, договоримся.

– Привет Вождю, – отозвался я, оглядываясь, – а вы откуда?

– Пока ниоткуда, – ответил Вася, подталкивая меня за плечо в сторону комнаты, – мы только собираемся.

Неподготовленного зрителя вид Васиного жилища мог

и шокировать. На первый взгляд, в комнате царил бардак: все свободное пространство было завалено источающим запахи бараклом. На диване разложены выкорчеванные из чехлов новые, пахнущие магазином спальные мешки; них сверху навалено свежестиранное бельё и мохнатые шерстяные свитеры, ни разу не бывавшие в стирке. Сложена стопкой одежда, старая вперемешку с новой: торчат джинсовые лохмотья, свисают на тонкой леске бирки. На столе – не отмытые от сажи котлы, от них пахнет костром, и ряды консервных банок, от них пахнет дачей. Но самый сильный запах исходило расчлененное зелёное тело катамарана, раскинувшееся посреди комнаты: пахло болотом, резиной, пластмассой и землёй после дождя. А ещё пахло куревом: Драгин, не стесняясь, смолил прямо в квартире.

– Вы что, на воду идёте? – не поверил я. – Сезон, вроде, уже того.

– Того, – согласился Драгин, выдыхая табачный дым в сторону окна, – только тут такая история... Помнишь, я думал делать бизнес, туристов за деньги выгуливать?

Я помнил. Никогда бы не подумал, что из этого может что-то получиться.

– Ну вот, – продолжил Драгин, – У меня клиент нарисовался.

Вася, неопределенно хмыкнув, присел на диван, раскрыл на коленях коробку с рыболовными снастями, и принялся критично их разглядывать. Я, слегка подвинув вещи, опу-

стился рядом с ним.

– Ну, и?

– Едем, – объяснил Драгин. – Причём, на север. Ориентир – Северная Двина.

– Это где? – не припомнил я.

– Эх ты, география, – Драгин швырнул окурок на улицу, – Архангельская область. Там ещё метеорит упал позапрошлой зимой. Сечёшь?

Я неопределённо пожал плечами.

– Ты вообще телек смотришь? Метеорит, или что-то вроде того, упал в лес. Землетрясение было, магнитные аномалии, там ещё звери из заказника разбежались, ты что, ничего не знаешь?

– Вроде слышал, – ответил я без уверенности, у нас ведь по центральному телевидению каждую неделю новые сенсации, всех не упомнишь. – Фигня. Из той же серии, что зомби воруют картошку с полей.

– Согласен, фигня, конечно. Но человек этот, клиент мой, по ходу, так не считает.

– Драгин, – вмешался Вася, – Ты объясни человеку нормально, что происходит.

– А я и объясняю, – Вождь хлопнул форточкой. – Я искал маршруты. Зарегистрировался на форумах по теме, стал с людьми общаться. Сам вопросы задавать, на чужие отвечать, светиться, где можно, ты понимаешь. И вот, вышел на меня один человек. Прислал карту, мне, пишет, надо

в одно место попасть, посмотри, что посоветуешь? Я как на карту глянул, сразу понял, дядя этот – любитель аномальщины, и ехать ему приспичило в самый раз туда, куда упал этот как бы метеорит. Чокнутый, короче. А места-то там дикие, населёнки нет, заповедник, дорог, ясное дело, тоже никаких. Так что если идти, то только по воде. Причём, дело срочное, то есть надо успеть до заморозков. Я ему говорю, зачем? Там сейчас погода никакая, дожди. Туда бы летом, в июле-августе, а сейчас холодно. Он говорит, очень надо, типа, какое-то научное исследование. В общем, надо ему настолько, что он готов платить, чтобы его туда отвезли.

– Бред какой-то. Похоже на розыгрыш. Что за чушь? Если у человека нормально с деньгами, с какой стати он станет морозить собственную задницу? Нанял бы кого-нибудь, да и всё.

– А чёрт его знает. Я же говорю, псих какой-то. Но! Он реально платит. Поэтому я его туда реально везу.

Во мне вдруг шевельнулась смутная надежда.

– Вась, а вы скоро едете? А то, может, я у тебя отсижусь? Буквально дней пять, а?

– Есть встречное предложение, – Вася неуверенно потёр подбородок. – Было бы здорово тебе поехать с нами. Странно, что Драгин сразу не предложил. Мы, конечно, и вдвоём справимся, но с тобой будет как-то спокойнее. Клиент этот, странный он, ты понимаешь? Мы же его даже не видели. Мало ли...

– Да вы чего, – опешил я, – куда мне? Я работаю. У меня и денег сейчас нет...

– Ты не понял, Лаперуза, – вступил Драгин. – Деньги – не проблема. Я же говорю, клиент платит. Поход за его счёт. Ну, катамаран наш, но за всё остальное платит он. Билеты, жратва, палатки нормальные, и вообще всё, что надо – его проблема. Сечёшь?

– Ты сам-то сечёшь? Мало ли, что он обещал. С чего ты взял, что он тебя не кинет?

– Не кинет, – уверенно заявил Драгин, – деньги-то с него я уже снял. Не наличными, правда. Заказал через Интернет палатки, спальники, ещё кое-что по мелочи, а он оплатил. Через электронный кошелек.

Тут я уже реально удивился:

– В смысле – оплатил? Что, просто перевел деньги? А если ты его кинешь?!

– Успокойся, Лаперуза, – хохотнул Драгин. – В каком мире ты живёшь? Он же на весь форум объявит, что я его развёл, и будет искать другого проводника. А мне реально нужна репутация. Это, вроде как, получается мой первый клиент. И вообще, посмотри с другой стороны: чего бы и не поехать? Ну, свежо, ну, дожди. Есть такое дело. Для того и покупались хорошие палатки. Но в остальном, маршрут ведь получается отличный! Поезд прямой, ехать меньше суток, там кукушкой до воды, и по воде сплав километров – максимум! – двести. Причём, по спокойной, хорошей воде, даже

на первую категорию не потянет. И зад в тепле, и клешни в покое. И комаров нет!.. Кайф! Реальный, халявный кайф! Неужели, не впечатляет?

Я только покачал головой. У меня и так проблем хватает.

– На самом деле, Саша, – снова вмешался в разговор Вася, – Ты же ищешь, где отсидеться. Вот тебе и вариант. Старт послезавтра, и десять дней тебя нет дома. Всё включено.

У меня было такое чувство, точно передо мной, наконец, распахнулась вымоленная у высших сил дверь, но мне не доставало решимости сделать шаг за порог. Я только и мог, что думать о неминуемой расправе, которую отец учинит мне за эту поездку, если я на неё решусь. Я снова отрицательно помотал головой.

– Совести у тебя нет, Лаперуза, – сделал вывод Драгин. – Как тебе по кайфу, ты с нами. А как реально помочь надо – так ты в отказ.

Я посмотрел на Васю. Тот отвернулся. Наверное, теперь мне следовало уйти. Вот только идти мне было некуда. И если бы я ушел, я потерял бы и этих, последних на планете людей, которым есть до меня хоть какое-то дело.

– Мне подумать надо. Как с работой решить, и вообще, – залепетал я, пытаюсь выбить себе отсрочку.

– Думать некогда, – Драгин решительно сдвинул со стола котелки и раскрыл ноутбук. – Давай паспорт. Надо срочно заказать тебе билет.

И я полез за документом.

Никогда бы не подумал, что со мной может случиться нечто подобное: не прошло и двух дней с того момента, как отец обвинял меня в бессовестности, и теперь я, вместо того, чтобы вымаливать дома прощение, трясся в купе набирающего скорость поезда, слабо представляя, куда направляюсь. Отступать было поздно, и теперь я действительно ощущал себя бессовестным сыном, не столько потому, что сбежал, сколько от того, что не оставил внятного объяснения куда. Когда родители откроют дверь моей квартиры своим ключом, они обнаружат лаконичную записку: уехал по срочному делу на десять дней. В качестве пресс-папье выступил мой мобильник. Наверное, следовало оставить более развёрнутый текст, но была поздняя ночь, я устал, и к тому же спешил: у подъезда ждал Драгин, и он не глушил мотор. Я пробыл дома всего несколько минут, которых оказалось достаточно, чтобы распотрошить записку и покинуть в рюкзак бельё. Собираясь, я каждую секунду ждал, что отец появится в дверях. Когда мне удалось беспрепятственно выбраться обратно на волю, я испытал настоящий азарт беглеца; заряда хватило до самого поезда, но теперь я сник. Видимо, это было заметно по моему лицу.

– Чего надулся, Лаперуза? – поинтересовался Драгин.

– Ничего, – отмахнулся я, – надо было хоть мамке сказать, что я с вами уехал. Она же за десять дней свихнётся.

– Мамке... – протянул Драгин, и исполнил губами движе-

ние, имитирующее сосание. – Тебе сколько лет, Лаперуза?

– Достаточно.

– Оно и видно. Успокойся, не на войну ушёл. Дождётся тебя твоя мамка.

Я не стал отвечать.

В купе нас было трое. Драгин объяснил, что его клиент присоединится к нам позже: сядет в этот же вагон на промежуточной станции. Добираться он будет налегке, ведь весь немногочисленный, но весьма объёмный багаж был при нас. В скудном пространстве с трудом разместились набитые рюкзаки и тюки с разобранным катамараном; одна из верхних полок оказалась полностью забита барахлом, что вызвало недовольство и без того неприветливого проводника. Он было принялся препираться с Драгиным, но быстро понял, что оно себе дороже, и махнул на нас рукой. Мои спутники прибывали в приподнятом настроении: поезд тронулся, запаса пива должно было с лихвой хватить на сутки, и прогноз погоды не сулил серьезных катаклизмов. Развалившись на полках, мы лениво гадали, каков окажется наш четвёртый компаньон.

– Дядька наглухо псих. Даже чеков не затребовал, нормально? – вещал, прихлебывая пиво, Драгин.

– Может, он потом отчёт попросит. Так сказать, по факту услуги, – возразил Вася.

– Пусть попросит, – Драгин искренне рассмеялся. Вася

тоже заулыбался:

– А может, у него бабла немеряно. Может, ему это на семечки, как тебе такой вариант?

– Ни фига. Он тогда бы в фирму пошёл, ему бы там вертолёт организовали. Плюс охоту на медведя, баню и ансамбль народной самодеятельности. Вообще не проблема.

– Ну... Решил сэкономить.

– Ага, и нанять неизвестного чувака с интернета. Я бы реально опасался. Говорю, дядька с головой не дружит.

– Ты уверен, что это дядька?

– Не девка же. Не, точно не девка. Какой-нибудь дедок-профессор. Хрен его знает. А может ботан-переросток, старший заместитель младшего научного сотрудника. Скорее всего, так. Хоть маг Акопян, втроём-то мы, если что, любые вопросы решим. И вообще, не надо заморачиваться. Типа, мы просто идем в поход, чисто для себя, как бы для собственного удовольствия. В конце концов – поржём. Ботаны, случается, бывают забавны.

– Это уж точно.

Мы чокнулись пивными бутылками. Драгин поднялся с места, вытащил из кармана своего рюкзака карту, и разложил её на столе. Мы, как великие стратеги, склонили над ней головы. Драгин водил по карте огрызком карандаша, я честно пытался проследить за ним, пытаясь сориентироваться.

– Значится, так. Вот здесь мы завтра должны встать на воду. Отойдём километров на пять-семь. Где-то тут заночуем,

упакуемся, и послезавтра с самого утра выйдем на маршрут. Я уткнулся в карту, но вскоре понял, что это бессмысленно. На воде заблудиться невозможно, а на экстренный случай у Драгина есть GPS. Волноваться решительно не о чем. Жратвы закуплено с запасом, Драгин и Вася рыбаки, у них с собой снастей на целый рюкзак, а ещё у нас имеется чистый медицинский спирт, добытый мамой Драгина, хирургической медсестрой, из надежных источников на работе, так что, скорее всего, никто и ничто не сможет омрачить наше путешествие. Я постарался выбросить из головы тяжёлые мысли и тревожные предчувствия, и полез на верхнюю полку. От пива меня разморило, я задремал, и проснулся только под вечер; утолил голод быстрорастворимой лапшой, и опять уснул, уже до самого утра.

Проснулись рано, с тяжёлыми головами: топили в вагоне на совесть, и в забитом вещами купе было душно, как в пыльной кладовке. Разговаривать никому не хотелось, так что я выпил чаю и принялся глядеть в окно на мелькающие деревья. Сплошной лес, да мелкие речушки, да заброшенные платформы станций, с прошлого века не выдавших пассажиров. Время ползло. Вася в пятый раз перечитывал купленную на вокзале газету. Драгин выходил курить как только от него переставало разить после предыдущей сигареты. Когда поезд начал сбрасывать скорость, приближаясь к станции, где нас должен был ожидать клиент, мы все были поряд-

ком измучены. Отложив свои занятия, мы расселись на нижних полках.

– Парни, внимание, – обратился к нам Драгин. – У нас с дядей уговор: вопросов ему не задаём. Никаких. Усвоили?

– Что ещё? – поинтересовался Вася. – Почему ты не озвучил это сразу?

– А какая проблема? – пожал плечами Драгин. – Ну, забыл.

Наконец, поезд остановился. Мы с любопытством поглядывали в окно, высматривая нашего «дядю», как мы уже успели окрестить его за глаза. Платформа пустовала. Я привстал, почти прижался лицом к мутному стеклу, но видно было недалеко. Никого.

– А если он не объявится? – спросил я.

– Ну, значит, считай нам повезло, – ответил Драгин, точно так же, как и я, прислоняясь лбом к стеклу по другую сторону стола.

Мы молчали. Вскоре поезд вздрогнул, тронулся, и начал набирать скорость.

– Странно, – пожал плечами Вася. – Обманул, что ли, таксиста? Деньги заплатил, а сам не поехал?

В коридоре послышался шум, в следующую секунду дверь купе отворилась, и на пороге возник проводник. Он в очередной раз неодобрительно оглядел заваленное вещами пространство, и, кивая на рюкзак, расположившийся на одной из верхних полок, сурово скомандовал:

– Вещички убираем. Сюда проходите, пожалуйста, – добавил он уже другим тоном, оборачиваясь себе за спину. – Сейчас ребята место освободят. Если что-то нужно, не стесняйтесь, обращайтесь.

Проводник посторонился, и я ожидал, что сейчас к нам в купе войдет симпатичная женщина, или респектабельный мужчина с деловым портфелем – с кем ещё хмурый проводник мог бы быть столь любезен? Однако, против моих ожиданий, в дверях появился тот, кого мы, по-видимому, ждали: серьёзного вида парень в новенькой туристической куртке. Он благодарно кивнул проводнику и вошёл в купе, забавно прикрываясь своим небольшим рюкзаком, словно это был щит. Когда дверь за его спиной закрылась, он поставил рюкзак на пол, обвел нас внимательным взглядом, и спокойно, без улыбки произнёс:

– Здравствуйте. Меня зовут Артём. Я так понимаю, нам с вами теперь долго по пути.

Драгин неловко, стараясь не удариться головой в верхнюю полку, приподнялся и протянул ладонь:

– Драгин. Рад, наконец, лично.

Артём кивнул, пожал протянутую руку. Следующим поднялся Василий, затем наступила моя очередь.

– Саша, – представился я, и пожал его жёсткую узкую кисть.

Есть у меня такая привычка – при знакомстве с новым человеком я сразу оцениваю, что выйдет, случись нам сцепить-

ся. Естественно, это касается только представителей моего пола. Не то, чтобы мне часто приходилось драться, нет. Я парень высокий и в целом не маленький, даже слишком, в детские годы и вовсе был увальнем; в первый класс меня отдали только в восемь лет, и я был на голову выше одноклассников. Задирать меня не решались. К тому же я, если честно, руками махать не люблю и сам никогда не нарываюсь. Но окружающих мужчин я рассматриваю как потенциальных агрессоров, и по своей внутренней «шкале опасности» присваиваю им цвета. Например, Драгин – цвет красный, степень опасности – высокая. Физически он меня не крепче, но у него молниеносная реакция, и он всегда абсолютно хладнокровен. Случись конфликт, он, скорее всего, закатает меня в асфальт.

При первом взгляде на Артёма для меня зажглась зелёная лампочка. Он производил впечатление человека хрупкого. Худой, сухой, весь как будто вытянутый, длинные ноги, длинные руки, длинные пальцы; бледное, хорошо очерченное лицо, тонкая до прозрачности кожа. Однако ростом он был не меньше Драгина, а шириной плеч почти с меня, и держался он прямо, уверенно, твёрдо. Когда я выпустил его холодную ладонь, зелёный огонек сменился на жёлтый.

– Ну что, каков план? – спросил Артём, усаживаясь рядом со мной и обращаясь к Драгину.

Драгин в очередной раз разложил на столе карту:

– Через четыре часа будем на месте. Там я беру маши-

ну, до воды будет ещё минут сорок. До темноты должны успеть собрать катамаран, это несложно, справимся. Спускаемся примерно сюда, – он показал точку на карте, – и здесь ночуем. Завтра с утра нормально уложимся, и в путь. Примерно до этого места, – он провёл по карте огрызком карандаша, – тут километров пятнадцать.

Артём некоторое время изучал карту, потом отодвинулся, полочее устроил рюкзак у себя в ногах и сказал:

– Хорошо. Только я пока посплю. Я устал ужасно.

– Давай, для начала уберём наверх твой рюкзак, – предложил я.

– Не надо, я так, спасибо, – придерживая рюкзак за лямку, он прислонился спиной к стене и закрыл глаза.

– Может, ты хочешь лечь? Я пересяду.

– Не надо, спасибо. Я так, – твёрдо повторил Артём. Через минуту он уже спал. Или делал вид, что спал.

Оставшееся время в пути мы в тишине то дремали, то разглядывали нашего нового знакомого, обмениваясь многозначительными взглядами. Драгин выглядел обескураженным: видно, и вправду рассчитывал увидеть бесноватого дядьку. Я тоже был удивлён и озадачен – этот Артём выглядел слишком просто для хорошо обеспеченного человека. Уж я-то в этом разбираюсь. Никаких супербрендов, крутых часов и всего такого прочего; рюкзак новый, но простой, такой можно легко купить в недорогом спортивном супермаркете; то же можно было сказать о его одежде. При его

средствах он мог бы позволить себе экипировку посерьёзнее. Уж не преувеличил ли Драгин его платёжные способности, подумал я с тревогой: денег на обратный билет мне могло не хватить. Впрочем, добротная обувь, хорошая стрижка и не натруженные руки нашего компаньона выдавали в нем представителя как минимум среднего класса. Его действительно вполне можно было принять за младшего научного сотрудника. Младшего, потому что вряд ли он был значительно старше меня. И он вовсе не казался сумасшедшим.

За полчаса до прибытия мы начали вытаскивать вещи в тамбур. Барахла у нас было много, поезд же останавливался всего на пару минут, так что следовало готовиться заранее. Пока мы весело сновали с вещами по вагону, Артём так и сидел, молча обнимая свой рюкзак. Он только подвинулся на освобожденное мной место у окна, привалился к стене, и смотрел невидящим взглядом на проносящийся мимо непримечательный пейзаж.

Точно так же отрешённо сидел он в машине, которая везла нас к реке. Драгин устроился рядом с водителем, а мы втроём тряслись на рюкзаках, наваленных прямо на пол давно пережившего свои лучшие времена «батона». Я пытался пить пиво из банки так, чтобы внутри меня оказалось больше напитка, чем снаружи. Задача требовала сосредоточенности, так что в разговоре с хозяином транспортного средства я не участвовал.

– Я думал, в этом году уже никого не будет, – рассказывал водитель, – последняя группа ещё в августе прошла. Этим летом много народу было, все любопытные, да. Я сам шесть групп отвез, у кореша машина на ходу, он тоже возил, много. Это да. Много. А вы-то что же? Сейчас уже ни погоды не будет, ничего. По делу, значит? Тоже, что ли, радиацию мерить будете?

– А что, уже мерили? – оглянулся Вася.

– Мерили. И радиацию, и много чего ещё. Мужик приезжал, забавный такой, я, говорит, поле буду мерить. Говорит, у нас тут поля какие-то... Метальные... А какие тут у нас металлы? Тут ни металлов, ничего. Работы нет. Ничего нет, – он на ходу опустил стекло, и, высунувшись за окно, смачно сплюнул.

– Ну, и много намерял? – с улыбкой поинтересовался Драгин.

– А бог его знает. Вроде, ничего. Телевизор надо меньше смотреть. Там всякого расскажут. Мне вот рассказали, что у меня пенсия пятнадцать тыщ, да, – он подмигнул Драгину и обернулся на нас. – А вам, небось, рассказали, что здесь приземлились зелёные человечки. С Марса. Знакомиться едете, точно?

Я улыбнулся и посмотрел на Артёма, но его лицо по-прежнему ничего не выражало.

– Если только они на блесну клюют. Отец говорит, у щуки сейчас осенний жор. На быстрых реках делать уже нечего,

осень сухая, воды немного, да и холодно, вот, мы сюда, – ответил Драгин за всех. – Так что, говоришь, у вас здесь с радиацией? Имеется?

– Нет тут ничего, говорю же. И радиации тоже нет. А щука есть, это верно. Только с утра клёв слабый, вот к обеду уже лучше будет, это да.

– Как это было? На самом деле? – вдруг подал голос Артём.

– Значит, интересуетесь, все-таки, – усмехнулся водитель, – только мне и рассказать нечего. Ничего особенного и не было. Прилег, я, значит, днем покемарить, и вроде замечаю, как будто кто-то в окна ко мне заглядывает. Чего, думаю, не стучат? Или я не слышу? Случилось, может, что? А на душе как кошки скребут, чувствую, точно, что-то случилось. Я, значит, штаны натянул, выглянул – нет никого. Я на улицу. Смотрю, соседка, бабка Настя, что, говорит, случилось? Я говорю, а что? Она говорит, постучали, вроде, в окно. Глядим, из домов ещё народ выходит, все спрашивают, кто стучал. И никто не признаётся. Посмотрели мы друг на друга, да и разошлись. Решили, пошутил кто. А вечером жена звонит, говорит, в новостях про нашу область передавали. Жена-то у меня в городе, у сына, там малая родилась, жена, значит, пока там, помогает, это да. Звонит, стало быть, жена, и говорит, что не то самолет у нас тут упал, не то спутник. Видно, далеко, раз мы ничего не слышали. Потом вертолеты над лесом летали. Вроде, так и не нашли ничего.

Потом говорили, метеорит это был. Метеорит, он ведь тяжёлый должен быть, точно? Он, видать, упал, землю сотряс, да и ушёл в глубину. Кто же его теперь найдет? Вот и не нашли. А радиации нет, слава богу. Это да...

Он снова сплюнул за окно, и обернулся к Артёму:

– Если вы, ребята, затеяли метеорит искать, то это вы зря. Так я вам и скажу. Не найдёте, только сами заблудитесь. У нас тут двое в июле месяце в лес ушли, а вышли только в конце августа. Ругались страшно, мы, говорят, больше ни ногой в этот чёртов лес, – он расхохотался, пихнул Драгина локтем в бок. – Слышишь, да? Ни ногой, говорят, больше в чёртов лес!

У меня мороз по коже пробежал, но я заулыбался вместе со всеми, а сам наблюдал за Артёмом, но он только отвернулся обратно к окну, нисколько не изменившись в лице.

У воды мы оказались часа за два до наступления темноты. Торопливо разгрузили машину, и сразу принялись за катамаран – накачивать баллоны, собирать раму, натягивать палубу. Артём, сидя на своём рюкзаке чуть поодаль, без особого любопытства наблюдал за нами; своей помощи он не предлагал, но мы в ней и не нуждались. Работали быстро, ладно: не в первый раз. Тем не менее, когда катамаран был готов к спуску на воду, уже начинало смеркаться.

– Швыряй шмотьё на палубу, – распорядился Драгин. – Гермы потом, некогда.

– Может, заночуем прямо здесь? – предложил Вася. – Через час будет темно, а нам удобный выход не заказан.

– А фонари на что? Встанем в первом же подходящем месте.

– Возражаю. Воды мы не знаем, берегов не знаем. Холода-ет к вечеру. А если не будет стоянки? Саша, что ты думаешь?

Я пожал плечами:

– Я бы здесь переночевал.

– Парни, по этой стороне сплошная населёнка. И дорога близко.

– Драгин, мужик нас сорок минут вёз. Пешком это слишком далеко, а машину мы, если что, издалека услышим. Кому мы нужны? С нас взять нечего. Кроме тушёнки. Я бы не волновался, – продолжал настаивать Вася.

– А если шпана заявится, приключений на жопу искать? Тебе охота махатья? Тут народ отмороженный, огребём проблем на ровном месте...

Точку поставил Артём. Он неохотно поднялся со своего рюкзака, и твёрдо произнес:

– Драгин прав. Отойдём.

Вася пожал плечами и стал спускать свой рюкзак к воде. Мы все последовали его примеру. Артём подошёл последним, и остановился в нерешительности.

– Лаперуза, Артём, вперёд, – скомандовал Драгин.

Я, удерживая у берега катамаран, обернулся на Артёма. Он выглядел озадаченным.

– Я только что понял, что понятия не имею, как ездят на этой штуке, – серьёзно сказал он. – Надо было хоть в Интернете почитать. Ко всему приготовился, а вот этот момент как-то упустил. Что я должен делать?

Он приосанился и принял решительный вид. Из схватки с катамараном он намеревался выйти победителем. Я улыбнулся, Вася и Драгин тоже заулыбались. Действительно, «ботаники» бывают очень забавны.

– Ползи по баллону вперёд. Там вставай на четвереньки и держись руками за раму, только крепко, а то в воду свалишься – посоветовал Драгин, и Артём тут же выполнил указание. Я, не в силах сдерживать смех, отвернулся. Драгин кинул мне весло, второе положил на палубу.

– Готов?

– Да, – ответил я.

Я забрался на баллон, Драгин и Вася столкнули катамаран с отмели, оба быстро запрыгнули сверху, и мы активно заработали вёслами, отходя от берега. Глядя на нас, Артём неловко развернулся, взял свободное весло, и пополз обратно на своё место. Я обернулся, перемигнулся с ребятами. Тем временем Артём, поглядывая на меня, уселся так же, как я, и стал повторять мои движения.

– Разобрался, что ли? – спросил Драгин. Артём кивнул.

– Ну слава богу, обошлись-таки без Интернета, – заметил Вася, и тут засмеялись мы все, включая Артёма.

Нам повезло. Уже почти в полной темноте мы заметили

относительно удобный подход к берегу, и причалили туда. Берег был высокий и с виду сухой, почти сразу начинался разреженный лес: комфортное место для лагеря. Вещи на берег мы перекидывали уже в свете фонарей.

– Могла быть хуже, – сказал Вася, привязывая катамаран к дереву, чтобы его не унесло течением. – Новичкам везёт.

Драгин добыл из рюкзака две палатки, каждый свёрток размером не больше дыни. Надо думать, недешёвые.

– Я с Васей, ты с Артёмом.

Я взял палатку, и пошёл было искать ровное место, но понял, что уже слишком темно, так что просто отошел от Драгина на десять шагов и кинул свёрток себе под ноги. Потом. В первую очередь – костёр, нам нужен был свет и, особенно, пища. Вася уже вытащил топор и начал рубить сухое дерево на дрова. Я оставил палатку и поспешил на помощь.

За хлопотами мы как-то позабыли про Артёма. В темноте, без фонаря, он спустился к воде, и уселся на берегу, глядя на воду. Там я его и обнаружил.

– Ты чего здесь один?

– Стараюсь под ногами не путаться.

– А ты не путайся, ты помогай. Спросил бы, что делать, мы бы тебя чем-нибудь нагрузили.

– Действительно. Извини. У меня просто сил совсем нет... Я сюда очень долго добирался, – он уткнулся лбом себе в колени и замолчал. Мне почему-то стало его жалко, но я не нашёл, что сказать, просто легонько хлопнул его по плечу, на-

брал в котлы воды и пошёл к ребятам.

– А где этот Артём? – поинтересовался Драгин. Я кивнул в сторону реки:

– На берегу сидит.

– Понятно, – Драгин с энтузиазмом потер ладони. – Друзья, костёр горит, пища готовится, палатки стоят. Предлагаю: для начала по пятьдесят. Василий! Неси, друг. Лаперуза, тащи сюда Артёма.

Я поднялся, и обнаружил, что он уже стоит у меня за спиной, ёжась от холода. Подошёл Вася с бутылкой в руках.

– Не вижу вашу посуду, господа.

– Ребята, я должен извиниться, но я очень хочу спать, – вполголоса сказал Артём. – Я понимаю, что это не слишком вежливо с моей стороны, и обещаю завтра исправиться. Но сейчас я должен лечь. Где я могу это сделать?

– Да ты что? Скоро ужин будет, мы же весь день не жрамши! Сейчас выпьем, поедим, посидим... Приземляйся к огню, сейчас согреешься, – Драгин слегка подтолкнул его за плечи и усадил к костру. – Ну, Василий?

Я поставил посуду, и Вася плеснул каждому из бутылки. Я раздал кружки.

Артём с сомнением поглядел в свою.

– Я не пью.

– Какой ты сложный, Артём! Никто тут и не пьёт. Это просто аперитив, для аппетита. За знакомство. Давай, – Драгин поднял кружку, мы встали, чокнулись и выпили, все, кроме

Артёма. Он наклонился поставить свою кружку на землю, но пошатнулся, потерял равновесие и едва не свалился прямо в костёр. Драгин успел ухватить его под руку, отдёрнуть назад.

– Эй! Ты чего?!

– Говорю же, мне лечь надо.

Драгин выразительно посмотрел на меня, я кивнул и пошёл провожать Артёма в палатку.

– Странный какой-то товарищ, – прокомментировал Драгин, разливая по второму кругу, когда я вернулся к огню. – Лаперуза, не боишься с ним в одной палатке спать?

– Он, по ходу, безобидный. Хорошо хоть, вроде не нытик, – ответил я.

– Не понимаю, как можно весь день не жрать, и отвалить спать перед самым ужином.

– Ты же видел, он на ногах еле стоял. Говорит, очень долго ехал. Драгин, а откуда он?

– Из Челябинска.

– Не так уж и долго должно было получиться, – прикинул Вася. – Самолетом до Сыктывкара, оттуда прямым поездом. Зачем тогда было на промежуточной станции встречаться?

– А чего ты меня спрашиваешь? Разбуди его, да спроси.

– Ты же с ним договаривался.

– Вася, я договаривался с человеком, именующим себя «Скимен 2000». Я сначала вообще не думал, что из этого что-то реально получится. «Скимену 2000» надо попасть

в конкретный квадрат. Ему надо провести, типа, научное исследование. Он находит меня. Он платит по счетам. Так? Заметь, всё купленное я оставляю себе. Если бы я начал допытываться, что да как, вопросы задавать, он мог соскочить, понимаешь? И вообще, какая разница? Он платит, я везу.

– Странно как-то, – заметил Вася. – Не похож он на учёного. И на искателя приключений не похож. Чего он тогда сюда попёрся-то?

– За романтикой, – усмехнулся Драгин, – За туманом. И за запахом тайги. Ты мне лучше скажи, откуда у пацанчика такие бабки. Не по-буржуйски он смотрится. Штанишки с рынка, часики пластмассовые. Беспокойно мне. Как бы не втянул он нас в историю.

– А раньше ты об этом не подумал? Прежде, чем подписываться?

– А я знал?

– Надо было знать.

Драгин с досадой плюнул в костёр.

– Короче, освоится, сам всё расскажет, если захочет, а не захочет, и хрен с ним. Даже лучше. Забыли. Мы просто пошли в небольшой поход, так? Любуемся, так сказать, медленным увяданием природы, рыбку ловим, водку пьём. И вообще, наверняка у него в рюкзаке и рамки, и дозиметр, и ловушка для приведений, и металлоискатель, метеорит этот искать.

– Ты думаешь, это был метеорит?

Драгин посмотрел на меня, как на идиота.

– А ты думаешь, это было инопланетное вторжение?

– Не знаю. Но у меня прямо мороз по коже от мысли, что где-то здесь, в этом лесу, рядом, могут лежать обломки настоящего НЛО, – признался я.

– Ох, Лаперуза, ты как маленький. Ну, поможешь нашему профессору в его изысканиях. Наливайте.

После ужина и трех раз по пятьдесят жизнь начала казаться мне удивительно прекрасной. Ночь была холодной, к утру наверняка подморозит; над головами ни облака, только чистое сияющее звездное небо. Сколько раз уже видел такие звезды, и всё равно, каждый раз, глядя в чёрную бесконечность, снова испытываю маленькое потрясение. В костре щёлкнуло, взорвалось; в небо поднялся сноп искр. Я глубоко вздохнул. Василий тоже сидел, задрав голову.

– Красиво, да?

– Точно.

Драгин только покачал головой.

Я проснулся первым. Полежал немного, прислушиваясь, понял, что все ещё спят, и так же понял, что сам уже не усну. Я тихонько расстегнул спальник, натянул штаны, начал шарить по палатке в поисках свитера. От моей возни проснулся Артём, он привстал на локте и сонно уставился на меня. Под его головой обнаружился мой свитер: накануне, укладываясь, я сам подпихнул его туда в приступе любви ко всему

живому.

– Можно? – я кивнул на свитер. Артём не сразу сообразил, о чём я, а когда понял, сильно смутился.

– Извини, я во сне.

– Да ничего. Я тебе его сам подложил. Куртку твою не нашёл. Видимо, ты на ней лежишь.

Он завозился в спальнике.

– Точно. Вот она. Я так устал вчера, даже не помню, как мы спать ложились. Спасибо.

– Так ты раньше всех ушёл, перед самым ужином, мы ещё долго потом сидели. Ты, наверное, голодный, как пёс?

Он кивнул:

– Ага.

– Ну, тогда вылезай, – сказал я и выбрался из палатки в студёное утро.

Ночью были заморозки, жухлую траву и листву под ногами словно присыпало искрящейся пудрой. Я спустился к реке, плеснул себе в лицо ледяной воды, и пошёл за дровами. Удары топора разбудили ребят, и когда они выбрались из своей палатки, мы с Артёмом уже развели костёр. Драгин помахал нам рукой и пошёл умываться.

– Всем доброе утро, – поприветствовал нас Василий, усаживаясь у огня. – Как ты, Артём?

– Нормально.

– Ну, молодец. С чего ты вчера так умотался?

– Так вышло, – махнул рукой Артём. – Ночь накануне

не спал, и предыдущую почти что тоже. Я неправильно стыковки поездов рассчитал, то есть рассчитал я правильно, но по старому расписанию, а с первого числа уже действует новое, только я это уже на самом вокзале понял. Так что я два дня четырьмя видами транспорта добирался, всю дорогу на нервах. Почти опоздал, в поезд уже на ходу запрыгнул, ещё полминуты – и всё.

– Так ты что, из Челябинска – и поездами? А почему не самолётом?

– Есть причины. Я не только поездами, ещё автобусами, попутками, и даже немного гужевым транспортом, – улыбнулся Артём.

– Тогда понятно.

Мы сидели у костра, протянув руки к огню, и ждали, пока закипит вода. Драгин потихоньку курил, небо потихоньку затягивало облаками, листья потихоньку облетали с деревьев. Совсем уже осень.

Завтрак получился весьма обильным, Драгин щедро насыпал в котелок с полпачки риса, рассчитывая, что у Артёма, пропустившего ужин, должен был быть зверский аппетит. Однако Артём, против ожиданий, ограничился скромной порцией.

– Рис не любишь? – спросил Драгин.

– Почему? – вскинул брови Артём. – Я всё люблю. Просто уже наелся.

– Ну, смотри. Обедать не скоро будем, имей в виду.

Артём кивнул, но добавки так и не взял.

Сразу после завтрака мы принялись готовиться к сплаву. Конечно, основную работу делали мы сами, но и Артём, принципиально, видимо, не желая вмешиваться в техническую сторону похода, всё же старался быть полезным. Не дожидаясь просьб или указаний, он взял на себя некоторые бытовые обязанности, не требующие большой физической силы, а потому обычно исполняемые девчонками: мыть за всех посуду, сжигать мусор, переливать в бутылки кипячёную воду, заливать костёр. Он сам находил себе полезное занятие, под ногами не путался, вопросами не донимал, и всё равно спровоцировал задержку, наотрез отказавшись раскладывать по герметичным мешкам вещи из своего рюкзака. Пришлось всё перекладывать, освобождая для него отдельный мешок, куда рюкзак умещался целиком.

День прошёл спокойно, даже скучно. Течение реки оказалось быстрым, так что мы гребли лениво, не особо напрягаясь. Опьянённые свежим воздухом, мы впали в дремотное состояние, говорить не хотелось, тишина радовала. Несколько раз позволяли себе продолжительные остановки, дабы дать отдых отсиженным местам. Драгин регулярно откладывал весло и брался за спиннинг; в итоге он вытащил двух крупных щук. Мы предвкушали ужин с ухой.

Когда Драгин объявил, что пришло время подыскивать стоянку, нам довольно быстро повезло, первое же место, ку-

да я поднялся на разведку, понравилось мне – ровная поляна на высоком берегу, живописный вид на излучину и сосновый лес за спиной стоили того, что вещи придётся затаскивать по крутому песчаному склону, так и норовящему осыпаться под ногами.

– Ну как? – спросил снизу Драгин.

– Шикарно, – я описал увиденное, – только разгрузаться будет трудно.

– Встаём, – скомандовал Драгин.

Глубина здесь даже у самого берега была приличная, так что Драгин, как обладатель самых высоких сапог, отвязывал мешки, стоя по колено в воде. Артёмов мешок он освободил в первую очередь, протянул хозяину; тот медленно поволок его наверх. Мы же выстроились на склоне – я на самом верху, Вася посередине; Драгин подавал груз Васе, Вася, по цепочке, мне. Я собрался привлечь к разгрузке и Артёма, повернулся к нему, и передумал: он сидел на своём рюкзаке, сутулый, побелевший, и утирал вспотевшее лицо рукавом куртки. Перехватив мой взгляд, он понял, о чём я собирался попросить, и с готовностью поднялся на ноги, но я, глядя в его бледное лицо, показал жестом – сиди. Он благодарно кивнул, снова присел, опустил голову, и сидел так, пока все наши вещи не оказались наверху. Проходя с последним мешком мимо Артёма, Драгин громко заметил:

– Вот. А кашу, заметьте, не кушал.

Артём улыбнулся и виновато развел руками.

После ужина мы запалили большой костёр, сидели, сытые и довольные, пили чай и вспоминали наши прошлые походы. Рассказчиком выступал, в основном, Драгин, и я иногда вставлял слово, Вася же молча поглядывал на нас, и только иногда поддакивал. Вскоре Артём откланялся, мы же просидели у костра до поздней ночи. Артём давно спал глубоким сном, и не слышал, как я суетно залезал в палатку. Я улёгся рядом и уснул со вчерашним чувством любви ко всему миру, хотя во мне не было ни капли спиртного.

Проснувшись наутро, я обнаружил, что лежу в палатке один: Артём уже встал, и, видимо, давно – я слышал, что он уже зажег костёр. Я поглядел на часы, опасаясь, что сильно проспал, но нет, было ещё слишком рано, и Драгин с Васей, конечно, ещё спали. Я тоже попытался уснуть, но сон не шёл. Натянув куртку и штаны, я выбрался из палатки.

Артём сидел у костра, и глядел на пламя. Неудивительно, ведь больше заниматься было нечем: вчерашнюю посуду он перемыл, заготовленные дрова сложил аккуратно в стороне, над костром покачивался котелок с закипающей водой. Рядом с ним на земле лежала книжка в невзрачной мягкой обложке, с заголовком на немецком языке. «Вот, умник» – без злобы подумал я.

– Доброе утро, – сказал я, потягиваясь, – ты чего так рано вскочил?

– Доброе утро, – отозвался он. – Чего-то не спится. Я дав-

но уже встал.

– Я вижу.

– Вода закипает. Достань чай, а то я не знаю, где у вас чего лежит.

– У нас.

– Что? – переспросил Артём.

– У нас лежит.

– Ну, да, у нас, – смутился он.

– Может, кофейку запарим?

– Я лучше все-таки чаю.

– Не любишь?

Он неопределенно помотал головой, и потянулся за книжкой.

В соседней палатке завозились, послышался звук раскрываемой молнии, и к нам на поляну явился заспанный Вася, на ходу приглаживающий лохматую голову.

– Чего вы тут по кофе говорили?

Артём встал, налил кипятка в Васину кружку, я всыпал туда большую, с горкой, ложку мелко помолотой арабики.

– Вот спасибо, – сказал Вася, усаживаясь рядом с Артёмом. Книжка оказалась прямо под его ногами, Артём наклонился, вытащил ее, отряхнул и отложил в сторону.

– Что это ты читаешь? – неожиданно заинтересовался Вася, беря книжку в руки, и пролистывая ее.

– По работе. Тоска зелёная.

– Вижу, что по работе, – Вася раскрыл книжку посереди-

не, перевёл заголовок, – «Стандартизация норм взаимозаменяемости типовых машиностроительных соединений».

Артём уважительно посмотрел на Васю.

– Мы что же, коллеги?

– Это вряд ли, у меня профессия редкая. Занимаюсь техническими переводами. С немецкого и датского. Так что где чего не разберёшься – обращайся, помогу по дружбе. А ты чем занимаешься, если не секрет?

Артём замялся, я подумал, что он не хочет отвечать, и вспомнил про уговор не задавать ему вопросов; Вася тоже вспомнил, поднял ладони в извиняющемся жесте:

– Если секрет, я прошу прощения.

– Да какой секрет, просто не знаю, как это короче объяснить, – смущенно улыбнулся Артём. – Если в двух словах, я работал в конторе, которая закупает промышленное оборудование, в отделе сертификации. Ездил на производство проверять, насколько описание соответствует действительности, в основном в Германию и Австрию. А книжку читаю, чтобы язык не забыть.

– Немецкий, значит, хорошо знаешь?

– Технический – да, а разговорный у меня слабый. Общаются ведь все в основном по-английски. А английский у меня, наоборот, только разговорный и хороший.

– Так у тебя, получается, языковое образование?

– Нет. Я инженер-технолог, наш аграрный заканчивал, а языки – факультативно, у меня память хорошая, – охотно

объяснял Артём.

Они спокойно разговаривали, а я вскочил, отошёл в сторону. У меня вдруг возникло явное чувство, будто на меня с укором смотрит собственный отец. Захотелось немедленно провалиться сквозь земную толщю. Я успел отвыкнуть от этого чувства собственной неполноценности, преследовавшего меня со школьной скамьи: я – валенок. Большой, надёжный, устойчивый, но – валенок. Я всегда знал, что являюсь человеком второго сорта. И всегда восхищался ими, первосортными людьми, способными быстро понимать, много запоминать, и хорошо учиться. Испытывал собачье желание служить. Увы, я не мог предложить им ничего, что могло оказаться действительно полезным.

У меня всегда была тройка по алгебре, а также по физике и всем другим точным наукам, я выезжал только на литературе и истории, так что меня утвердили в качестве «гуманитария» и оставили в покое; то же с иностранными языками – я, конечно, учил английский, и даже мог объясняться в туристических поездках, но хороших знаний не обнаруживал, несмотря на то, что несколько лет посещал оплаченные отцом курсы. Мои усилия растрачивались зря: всё выученное, вызубренное, вымученное в трёхдневный срок испарялось в атмосферу. Один я знал, каких усилий мне стоили мои тройки. И рядом всегда находился кто-то, кто знал на пять, вызывая во мне чувство благоговения и священного трепета. Смотреть на Васю снизу вверх я уже давно при-

вык. Но тот факт, что этот худенький глазастый мальчик, Артём, способен читать техническую книгу на немецком языке, да ещё и понимать смысл написанного, приравнивал меня в собственных глазах к крупному малоразумному животному, вроде моржа или тюленя. Утешая себя мыслью о своём физическом превосходстве, я пошёл побродить по окрестностям, оставив умников наедине; они, занятые беседой, кажется, и не заметили моего отсутствия.

Уходить далеко от лагеря было страшновато, несмотря на то, что лес здесь был сосновый, не слишком характерный для этих краёв. Со стороны он казался светлым и легко проходимым, но стоило хоть немного углубиться в него, как наступала полная дезориентация, и я, всерьёз побоявшись заблудиться, держался поближе к берегу, так, чтобы слышать плеск воды или хотя бы видеть просвет между деревьями. Конечно, я мог вернуться, захватить компас, и погулять в самой чаще, но забираться вглубь леса мне было жутко. Когда я отделился от лагеря настолько, что совсем перестал слышать голоса, в голову полезли глупые мысли насчет всяких оборотней, неопознанных изуродованных скелетах, пропавших без вести, похищениях, и всем прочем, чем любит потчевать нас телевидение по выходным дням, и что кажется несусветной чушью, когда об этом рассказывают с экранов надломленными голосами; но стоило мне оказаться одному в диком лесу вдали от этого самого телевидения, как я начал допускать, что в этих бредовых историях есть нечто рацио-

нальное. От жути мурашки бежали по телу, но мне это даже нравилось, учитывая тот факт, что я понимал, что всё это, конечно, глупости, и ничего со мной не случится, и что стоит мне только сейчас заорать, как мне на помощь явятся как минимум двое здоровых парней, и любые оборотни пустятся наутёк. Драгин дематериализует кого угодно своим презрительным взглядом и ехидными шуточками. Ему-то ничего не грозит, он ни во что не верит и никого не боится. Космическим пришельцам следовало бы замаскировать свой корабль и спрятаться, пока Драгин не оборжал их в самой грубой манере и не украсил серебристый бок их летающей тарелки своим плевком.

Вернувшись я обнаружил что все уже на ногах, и завтрак почти готов.

– Во, Лаперуза, – обратился ко мне Драгин, едва я приблизился к костру. – Скажи. Мы вчера прошли больше, чем собирались, так? И течение быстрее, чем я ожидал. Я предлагаю сегодня постоять, а завтра наверстаем.

Очевидно, Драгин, вдохновленный вчерашним уловом, хотел остаться здесь ещё на денёк, и спокойно порыбачить.

– Можно, – пожал я плечами, – если Артём не возражает.

– А вот Артём как раз и возражает, – театрально вздохнул Драгин. – Ему жуть, как охота мокнуть.

Я посмотрел на Васю, но тот лишь развёл руками: решайте сами.

– Я считаю, надо плыть, – горячо вступил Артём, – это хорошо, что получается быстрее. Не будем терять времени. У вас же потом ещё будет возможность постоять.

– Запомни, Артём, плавают говно, а мы – ходим, – усмехнулся Драгин, обводя нас оценивающим взглядом.

– Значит, надо идти, – повторил Артём.

– Так что ты скажешь, Лаперуза?

Все уставились на меня. И я решил поддержать Артёма, я-то помнил: клиент всегда прав, кроме того, приятно иногда поступить Драгину наперекор.

– Надо, так надо. Идти, так идти, – произнёс я, и слегка кивнул Артёму.

– Ну, и хрен с вами, – хлопнул себя по коленям Драгин. – Тогда начинайте собираться, аллюром, время не ждёт.

Он встал, направился к палатке, Артём тоже, захватив книжку, пошёл собираться. Я остался стоять у костра. Вася встал рядом со мной, и тихо, почти в самое ухо, спросил:

– Ты за Артёмом ничего странного не замечаешь?

– Он весь со всех сторон странный, – улыбнулся я.

– Это-то да... Слушай, он явно на чём-то сидит. Точно тебе говорю. Ты же с ним рядом спишь, неужели, ничего такого не показалось?

Я покачал головой.

– С чего ты взял?

– Видел. Он какие-то таблетки глотает, и старается так, чтобы не заметно. Воду хлебает, как конь. Не жрёт. А се-

годня, ты когда ушёл, мы сидели, разговаривали. Он что-то рассказывал, и вдруг замолчал на полфразы, и весь, знаешь, как-то... Залип. Завис. Сидит, глазищи круглые, я тебе клянусь, даже не дышит. И так секунд десять. Потом очнулся, встряхнулся, видит, что я на него смотрю, испугался. Извини, говорит, задумался, чего я там говорил? А у самого руки дрожат. Я, конечно, сделал вид, что ничего не заметил. Ты за ним последи, ладно?

Я кивнул. Вася отстранился, собираясь идти собирать вещи, но задержался ещё на секунду, шепнул:

– Только Драгину пока не говори.

Раздосадованный Драгин и сам не имел большого желания общаться. Он молча упаковывал вещи, кидая на меня неодобрительные взгляды, и открывал рот, только чтобы поторопить нас. Он даже воздержался от комментариев по поводу того, что Артём опять почти нечего не съел, но посуду свою поставил к его ногам, принимая как данность, она будет вымыта.

– По-моему, я его раздражаю, – тихо сказал мне Артём, когда мы остались вдвоём.

– Не обращай внимания. Просто он привык командовать.

Он покачал головой и отошёл. Я про себя пожалел его, тяжело это, оказаться вдалеке от дома в незнакомой компании, да ещё и с чувством, что тебя не принимают. Я решил быть с ним поприветливее.

А дождь, действительно, зарядил, и не прекращался весь день. То мелкий, морозящий, едва слышный, он вдруг с порывом ветра оборачивался на миг колким косохлестом, будто кто-то размашисто бросил с неба пригоршню мелкой крупы, быстро пробарабанившей по брезентовой палубе. Я зябко нахохлился под плащом, стараясь дышать себе же в воротник и не глядеть по сторонам, но мрачный, наводящий тоску пейзаж так и притягивал взгляд. Водная взвесь обесцветила краски, лишила мир контрастности, размывла очертания голых еловых верхушек, подпирающих бесцветное небо. Порывы ветра гнали по воде опавшую листву и спутанные пучки травы. Я и сам чувствовал себя сухим листом, захваченным течением: всё, оторвался, нет пути назад, теперь жди, куда принесёт тебя река.

Река несла в неизвестность. Теперь я жалел, что не помню ничего из того, что передавали по телевизору насчёт этих мест. Хотелось развеять тревогу, расспросить Артёма насчёт метеорита, куда он упал, почему его не нашли и откуда пошёл слух, будто животные покинули эти края; убедиться, что ситуация предсказуема и находится под контролем. Однако я помнил, что Драгин не велел задавать вопросов, так что рассчитывал при случае аккуратно поговорить с Артёмом наедине. Я оглянулся, взгляделся в лица товарищей. Артём сосредоточенно размышлял о чём-то своём, Драгин и Вася вполголоса вели длинный нудный спор насчет рыбной ловли. Я снова устыдил себя за глупые страхи, и попытался от-

влечься, вспоминая слова популярных песен про осень.

К середине дня, когда я окончательно замёрз и проголодался, мне нестерпимо захотелось тепла и комфорта, или хотя бы просто – горячего чаю. Я решительно предложил сделать остановку, размять отсиженное место и перекусить. Уверен, что пятые точки онемели у всех, но Драгин мою идею не поддержал.

– Не ной, – отрезал он. – Я предупреждал, что сегодня будет лить. На ночь пораньше встанем.

– А причём здесь погода? Я зад отсидел, оно от природы не зависит.

– Ни при чём. Но костёр под дождем я разводить не буду, мы же на этом как бы время потеряем, а мы, я так понимаю, страшно спешим, – он кивком указал на спину Артёма.

Артём обернулся, посмотрел на Драгина, но ничего не сказал.

– Фиг с ним, с костром, но размяться и съесть что-нибудь мы можем? – продолжал настаивать я.

– Вы что, дети?! – взорвался Драгин. – Вас по часам кормить? Может, вас ещё и на дневной сон уложить?! А стишки вам не почитать?!

– Ну, вообще, Драгин, раньше мы при любой погоде обедали, – заметил Вася.

– Чего, ещё один голодный?

– Да, – спокойно ответил Вася.

– Раньше думать надо было, ясно? Хотели идти, так теперь

гребите! Задолбали ныть!

Я хотел было продолжить спор, Артём, кажется, тоже собрался вступить, мы одновременно обернулись, и я набрал уже воздуха, чтобы начать говорить на повышенных тонах, но перехватил Васин взгляд. Он выразительно посмотрел на Артёма, и слегка махнул рукой: бог с ним, себе дороже. Артём понял, кивнул, отвернулся. Я тоже выдохнул и сел на своё место.

День уже клонился к вечеру, а мы так и не выбрали подходящего места для ночлега. Драгин продолжал казнь за неповиновение: теперь он не принимал ни одной стоянки, которые мы смотрели. То берег казался ему слишком высок, то слишком полог; то слишком мало дров, то сплошной бурелом, то он видел звериную тропу, то ему просто не нравился пейзаж. И всё это – под казавшимся бесконечным мелким дождем. Когда мы в очередной раз выбрались на берег и осмотрелись – симпатичное место, выход удобный, поляна широкая, Драгин снова скорчил мину:

– И где, по-вашему, натягивать тент?

Я показал. Драгин принялся обходить поляну в поисках, к чему бы придраться, и тут к нам на берег выбрался Артём. Он бегло осмотрелся, и лицо его, обычно спокойное, приняло такое выражение, будто он готов заплакать.

– Драгин! – обратился он умоляющим тоном, – Прошу тебя. Я ужасно устал и замёрз. И страшно проголодался. Но я же не мог знать, что со стоянками будет так плохо! У ме-

ня же опыта никакого! Я понял, надо было тебя послушать. Я больше не могу плыть... Идти... Может, уже хоть где остановимся, а? Пожалуйста...

– Я предупреждал, – выдержав паузу, удовлетворенно ответил Драгин. – Ладно, хрен с вами, встаём, – и он пошёл отвязывать вещи.

– Спасибо, – сказал я Артёму, когда Драгин отошёл. Артём слегка кивнул, улыбнулся в ответ.

– Так, – обратился к нам Драгин, – расклад такой – мы с Васей идём за дровами, вы тут натягиваете тент. Справитесь?

Я только головой покачал.

– Да, сэр. Конечно, – с готовностью отозвался Артём.

– Не «конечно», а «так точно», – мрачно поправил его Драгин.

– Конечно, сэр, так точно, – кивнул Артём.

Мы натянули тент и собрались было ставить палатки, но тут Драгин и Вася вернулись, волоча сухую сосну с уже обрубленными ветвями.

– Лить будет всю ночь, – констатировал Драгин. – А дров нам надо много. Пойдем рубить, пока светло. А вы пока эту распиливайте. Пила у меня в рюкзаке, в боковом кармане. Сам достанешь?

Хорошо, хоть не спросил, справимся ли. Артём видел цепную пилу в первый раз, но сразу сообразил, что надо делать. Встав по разные стороны бревна, мы быстро отпилили пару

чурбачков. Я даже взмок, и, когда мы отпиливали третий, подумал, что куртку надо было бы расстегнуть. Артём, словно услышав мои мысли, вдруг оставил пилу и присел на отпиленную чурку. Я стянул куртку – жарко, кивнул ему:

– Давай?

Он поднял на меня побледневшее лицо.

– Сейчас, погоди.

– Ты чего? – удивился я.

– Ничего, – ответил он тихо, уже не поднимая головы. –

Сейчас, остыну немножко. Мухи перед глазами полетели.

Я пожал плечами, присел на бревно. Через минуту он встал, взялся за пилу:

– Давай.

Но едва мы отпилили третий чурбак, как он снова бросил рукоятку и опустился прямо в сырую жухлую траву под своими ногами. Лицо его было белое, злое; он раздосадовано ударил кулаком по земле. Мне стало его жалко.

– Что же ты такой нетренированный? – риторически поинтересовался я, усаживаясь рядом. – Как же ты с веслом-то? Руки совсем отваливаются?

– Нормально. Там другое. Мы же без сильного усилия гребём. Или, это только мне так кажется?

– Здесь вода спокойная, и течение есть. Но да, бывает, грести приходится посильнее.

– Я понял, – он принялся тереть лицо руками.

– Ничего, пройдёт. Ты не обижайся, но тебе бы походить

в бассейн, например. Очень выносливость развивает. Никогда об этом не думал? – с ноткой назидательности спросил я. Приятно ощутить хотя бы какое-то превосходство над более умным человеком, пусть даже оно заключается в способности быстрее пилить дрова. Артём молчал, и я продолжил:

– А лучше запишись куда-нибудь, чтобы с тренером позаниматься.

– Ты меня не учи. Я же не всегда такой был.

– Тем более.

Артём вдруг полез во внутренний карман своей куртки, вытащил пластиковый конверт, в каких хранят деньги и документы, извлек из него паспорт, тоненькую золотую цепочку, и красную корочку, размером вроде студенческого билета, которую и протянул мне. Я открыл. Внутри документа, на подложке цветов российского флага, имелась фотография парня, похожего на Артёма, и синяя гербовая печать. «Удостоверение Мастера спорта России», успел прочитать я прежде, чем Артём, опомнившись, забрал у меня документ, и быстро убрал его обратно.

– Ты его что, в переходе купил? – спросил я.

– Заработал. Так что ты меня жить не учи. Я не всегда был таким, понятно? – с неожиданной страстью воскликнул Артём. Задел я его за живое.

– Так что же ты тогда?.. – растерянно пробормотал я.

– Вот так. Бывает. Глупая история. Болел с осложнением, теперь – вот. Не будем это обсуждать, ладно?

– Ладно, хорошо, извини. Я же не знал, – я почувствовал себя дураком, у меня это, должно быть, на лице было написано, потому что Артём смягчился, улыбнулся:

– И ты извини. Слушай, только просьба, парням не говори, и сам забудь. Всё вообще не так уж плохо. Идёт?

Я кивнул. Всё равно я не слишком поверил в его откровение. Тоже мне, спортсмен, хилый, как поздняя рассада. Типичный «ботан», купил удостоверение, чтобы ребята уважали. О чем тут рассказывать? Никому не интересно.

Другого случая поговорить с Артёмом мне в тот вечер не выпало, он рано лёг спать, а я, несмотря на усталость, всё сидел, борясь с желанием выпить очередную кружку чая. Горячего питья хотелось страстно, но перспектива идти среди ночи по нужде вызывала настоящий испуг. Я поймал себя на том, что стараюсь не садиться спиной к лесу.

Кроме того, меня беспокоило растущее напряжение, природу которого я не мог определить наверняка. Скорее всего, это из-за Драгина. Его заметно раздражало расположение, которое мы испытывали к Артёму, но я списал это на его ревность, как лидера: Артём имел право голоса, и Драгину, привыкшему единовластвовать, было трудно с этим смириться. Ещё хотелось порасспрашивать Васю насчёт той телепередачи, но я не знал, как завести разговор так, чтобы не вызвать шквала издёвок со стороны Драгина. Так что оставалось просто молчать. Однако, стоило Драгину удалиться в палатку

за сигаретами, Вася обратился ко мне сам.

– Так что насчёт Артёма? Ничего не заметил?

– Вроде, не похож он на наркомана. Похоже, у него проблемы со здоровьем. Может, поэтому и таблетки пьёт.

– Почему ты так решил? – прищурился Вася.

– Слабый он какой-то. Дрова пилили, так он чуть в обморок не упал. Ещё и обиделся, что я ему тренироваться посоветовал...

– Так, – протянул Вася, – ну, это кое-что объясняет.

– Тогда и мне объясни. А то я меньше всех знаю. Вась, тут что, правда, аномальная зона?

– А сам как думаешь? Ты что, во всё это веришь?

– Не то, чтобы верю. Просто, спрашиваю. Метеорит-то здесь ведь на самом деле упал?

– Ну, упал. Метеориты каждый день падают. Ну да, крупные – редкость, но ничего необычного в этом нет. Всё необычное придумывают впечатлительные, вроде тебя.

– Зачем тогда Артём сюда поехал, если ничего необычного?

– Скорее всего, он тоже – впечатлительный. Самому интересно. Заметил, какой у него рюкзак тяжёлый? Там явно какое-то оборудование, скорее всего, недешёвое. Бережёт-то он его, как мать родную. А вообще, это правило, насчёт вопросов, меня уже напрягает.

– Значит, правило отменим, – объявил возникший напротив Драгин.

– Это как?

– Демократическим путём. Большинством голосов.

– Вообще, он твой клиент. И это его условие.

– Условия он будет ставить дома. А здесь поход, здесь мы условия ставим. Надо будет, так и спросим. Я и спрошу. За мной не заржавеет.

Наверное, мне что-то приснилось, хотя сна своего я не помню, но проснулся я ещё до рассвета, мокрый от пота, с горящими щеками и сердцем, колотящемся в горле. Несколько секунд я лежал, задыхаясь, как рыба, выброшенная на берег, прежде, чем смог взять себя в руки. Я никогда не боялся темноты, но тогда мне был жизненно необходим свет. Непослушной рукой я нащупал фонарь, но найти кнопку включения не смог, так что я просто крутил фонарь и давил на него со всех сторон, пока кнопка сама не оказалась под моими дрожащими пальцами. Следующие несколько минут я лежал и смотрел на застёгнутый вход в палатку и свои ноги, спеленатые спальным мешком, чувствуя, как в крови распадается адреналин. Мне стало стыдно, я подумал, что мог разбудить Артёма; я привстал, заглянул ему в лицо, и вторая волна ужаса окатила меня. Мне показалось, что он умер. Он лежал на спине, со слегка запрокинутой головой; губы плотно сжаты, на лбу и в уголках глаз очертились морщины, кожа его, всегда бледная, сейчас вообще не имела цвета и выглядела как тонкий слой воска, лицо красивое

и неживое, как маска. Я почувствовал, как каждый самый маленький волосок на моём теле встает дыбом, мышцы напряглись, я едва не выронил фонарь, и вдруг заметил движение его груди. Конечно, он дышал. Господи. Боже. Святая троица. Тысяча чертей. Что я такое подумал?! С какой стати ему умирать во сне? С чего я лежу, перепуганный, и едва не плачу? Я рухнул на спину, выключил фонарь, прислушался. Тишина, только шелест падающих листьев и едва слышимый плеск воды в реке. Я так и лежал до рассвета, балансируя на границе сна, и забылся только тогда, когда в палатке стали четко видны очертания предметов.

Второй раз я проснулся, когда костёр уже горел, вода закипала и меня звали завтракать. Я был весьма смущён, неловко чувствовать себя соней, но, когда я спросил, почему никто не разбудил меня раньше, оказалось, что сегодня проспали все, кроме Драгина, и он один всё приготовил. Я присел напротив Артёма, протянул руки к огню. Произошедшее ночью казалось теперь нереальным, и я хотел было рассказать обо всём, чтобы повеселить компанию, но передумал: компания выглядела слишком пасмурно.

Небо оставалось затянутым облаками, и заметно похолодало.

– Ну что, сегодня – стоим? – Драгин задал вопрос всем, но взгляд его был устремлён на Артёма. Артём отрицательно покачал головой.

– Нет. Сегодня снова идём.

– Я не понял. Вчера впечатлений не хватило?

– Хватило. Но надо идти.

– Надо... Кому надо? Мне – не надо.

– У нас уговор, – тихо, но очень твёрдо сказал Артём, – Мы добираемся до места, и там вы можете стоять сколько угодно. Но добраться надо как можно быстрее.

– Насчёт быстрее мы не договаривались.

– Насчёт стоянок по пути тоже.

– Мне вообще без разницы, – пожал плечами Вася, – что здесь мокнуть, что там – индифферентно.

– Лаперуза?

– Драгин, ты, конечно, Вождь, тебе виднее, но если этот дождь будет идти две недели? Без перерыва? Ты сам говорил, что это возможно. Так и что? Две недели стоять?

– То есть, ты тоже хочешь идти.

– Да, – сказал я, не глядя на него.

– Я тебя понял, – холодно сказал Драгин, и я весь сжался. – Большинством голосов принято решение выдвигаться. Кто будет ныть, получит в рыло. Большинству ясно?

– Яснее некуда, – спокойно ответил Артём.

Мы уже начали привязывать свой багаж к палубе, когда с неба снова заморосило. Артём ждал нас на берегу. Его рюкзак мы привязывали последним. Я оглядел его, и мне показалось, что он совсем неподходяще одет: натянул плащ прямо поверх толстого шерстяного свитера и куртки, и это озна-

чало, что, во-первых, когда он начнет работать веслом, ему станет жарко, и во-вторых, если он все-таки вымокнет, ему будет не во что переодеться. С чего я вообще так о нём забочусь?! – подумал я, но спросил:

– Артём, что у тебя в рюкзаке?

Он испуганно потянул рюкзак к себе:

– В каком смысле?

– В смысле – из одежды. Ты вырядился, как бабка на рынок, и я гарантирую, что к вечеру ты вымокнешь и изнутри, и снаружи. Что ещё у тебя есть?

– Три футболки, толстовка, запасные штаны, тельняшка как у тебя, бельё, носки, – перечислил он скороговоркой, – и ещё один свитер, но он совсем тонкий.

Я сдержал улыбку.

– Молодец. Снимай куртку и свитер, и надевай тельняшку как у меня. Куртку и толстовку далеко не убирай, клади в рюкзак, на самый верх.

Он в нерешительности смотрел на меня, явно собираясь что-то возразить.

– Давай-давай. Самые тёплые вещи надо упаковать в гермы, чтобы вечером сухие были, понятно?

Он внимательно оглядел нас, отошёл на несколько шагов, и полез в рюкзак. Пока он отыскивал свою одежду, на берег взобрался Драгин.

– Чего застряли?

– Сейчас, Артём переодевается.

– Где раньше-то были? – риторически поинтересовался Драгин, и, вытащив мятые сигареты, закурил.

Тем временем Артём снял куртку, стянул с себя толстый свитер, под которым оказалась надета рубашка, и принялся натягивать тельняшку прямо поверх неё.

– Рыдание, – прокомментировал Драгин. – А рубашку снять не судьба?

Артём повернулся к нам спиной и начал расстёгиваться.

– Кузнечик стесняется, – почти беззвучно, потешно выпятив губы, прошептал Драгин, но я его понял, и мы заулыбались.

А стесняться ему, оказывается, было нечего. Вопреки ожиданиям, нашим взорам явилась худая, но весьма ладно скроенная фигура. Я даже ощутил укол зависти: эх, везёт «ботанам», всё от природы. Артём поспешно натянул тельняшку, повернулся к нам:

– Сейчас, я быстро, – и принялся заталкивать снятый свитер в рюкзак.

– Чучело, – сказал Драгин, как мне показалось, слишком громко, но Артём, кажется, не услышал.

Дождь так и не полил, но моросить не прекращало. Тучи висели уже не так низко, как с утра, и мир вокруг начал вновь обретать краски. Сегодня нам даже разговаривать не хотелось, мы просто гребли, озираясь по сторонам. Никогда бы не подумал, что осень может быть так красива, особенно с воды. На водной глади скопилось так много листьев,

что казалось, будто я погружаю весло в густой суп, и мешаю его, словно в кастрюле. Однако, через некоторое время парни сзади, видимо, соскучились, и затеяли игру в «гляделки». Они, не отрываясь, сверлили взглядами мою спину, пока я, чувствуя взгляд, не начинал оглядываться, но они успевали отвернуться. Стоило мне повернуться обратно, они тут же снова утыкались в меня глазами. Я знал, что возмущаться бесполезно, они только того и ждут, а вступать в перепалку мне не хотелось, так что я просто попросил Васю поменяться со мной местами, чтобы немного сменить позу. Вася с удивившей меня охотой пересел на моё место, я же занял его, позади Артёма. Вскоре мне начало казаться, что я схожу с ума. Сзади меня никого больше не было, а ощущение сверлящего спину взгляда не пропадало. Я начал оглядываться, но заметил, что за мной пристально наблюдает Драгин, и постарался сдерживаться – не хватало ещё оказаться уличенным в паранойе и грубо высмеянным. Пытаясь переключить внимание, я пробовал размышлять на отвлеченные темы, но думать о чем-то, кроме устремленного на меня взора, было совершенно невозможно. Тогда я попробовал сосредоточиться на нём, чтобы проследить направление взгляда, но, когда мне казалось, что я уловил, что смотрят слева, мне тут же начинало казаться, что я не прав, и смотрят справа. Артём тоже вел себя странно: он замирал, и, вытягивая шею и закрывая глаза, будто прислушивался, или принимался к чему-то. Он постоянно сбивался с ритма, но я даже

рад был тому, что это отвлекало меня от моих собственных ощущений.

– Драгин, где мы сейчас? – вдруг спросил Артём.

Драгин вытащил из-под плаща навигатор, протянул ему:

– Разберёшься?

Артём отложил весло и уткнулся в карту. Я хотел было спросить, близко ли то место, куда он идёт, но по его лицу понял, что сейчас он мне не ответит.

Преследующее меня ощущение, будто за мной наблюдают невидимые глаза, постепенно ослабевало, и я немного успокоился. А вообще – нервы надо лечить. Сначала ночью кошмары, теперь – вот.

– Помните, – вдруг подал голос Вася, – тот мужик рассказывал, как он проснулся оттого, что на него в окно кто-то смотрит?

– Какой ещё мужик? – переспросил Драгин.

– Водитель, который нас от станции вёз. Он рассказывал, что, когда метеорит упал, ему показалось, что на него смотрят в окно.

– Ну?

– Я сегодня ночью от такого проснулся. Хорошо, уже под утро. Реально жёсть. До сих пор отойти не могу.

У меня мурашки по спине заползали. Ночной испуг враз накрыл меня снова, и я едва не выронил весло. На меня неодобрительно глянул Драгин:

– Чего вы все такие нервные стали, а?

– Андрюх, – акkuratно начал я, – ты здесь ничего странного не ощущаешь? Жуть какая-то от этого места...

– Ничего я не ощущаю, – перебил он меня, – это потому, что тихо здесь. Что вы, как маленькие, тишины боитесь? Ну, так спойте что-нибудь. От улыбки хмурый день светлей...

И тут Артём оторвался от карты и посмотрел на меня такими глазами, что по моей спине прокатилась ледяная волна. Должно быть, я так побелел, что Драгин, глядя на меня, сказал:

– Ищем выход. Обед. И некоторым не помешает выпить. Как назло, берега вокруг пошли крутые, обрывистые, не дающие никакой возможности выбраться на сушу, так что мы подналегли на весла, только всё равно, обедать нам пришлось сухим пайком, прямо на воде. Затем Драгин извлек бутылку со спиртным, и мы сделали по глотку, все, кроме Артёма. Едва в глотке погас пожар первого глотка, как я сделал второй, и он зажёг все моё нутро, но уже через минуту пожар растёкся по моим артериям добрым теплом. Я почувствовал, как отступают нелепые страхи, настроение улучшается, телу становится легко и тепло, и перестаёт ныть отсиженный зад. Я выпросил у Драгина ещё один глоток, и он влился в меня чистой энергией – всё, чего мне теперь хотелось, это взять весло в руки и грести до полного изнеможения. Похоже, Васю охватили схожие чувства, так что наше плавсредство, ведомое мускульной силой, рвануло вперёд. Прежде, чем наши батареи разрядились, мы успели преодо-

леть дистанцию в десяток километров. Я совершенно протрезвел, и теперь чувствовал голод и утомление, зато душевное равновесие моё было полностью восстановлено, и я испытывал благодарность к Драгину, который не позволил мне разложиться на молекулы.

Однако, отдых откладывался. Русло принялась извиваться, берега поднялись, течение убыстрилось; мы миновали поворот за поворотом, выписывая вслед за рекой причудливые петли. Вдруг меня опять накрыло ощущение пристального взгляда, но уже не в спину; теперь мне казалось, что нечто, наблюдающее за мной, находится как раз за следующим поворотом. Все моё естество воспротивилось двигаться туда, и я напряг волю, чтобы заставить себя не паниковать. Но заставить себя грести я не смог. Сжавшись, я замер, и неотрывно глядел на приближающийся прямо по курсу отвесный берег. Окрик Драгина привел меня в чувство:

– Лаперуза, твою мать, не спи! Весло!

Наваждение исчезло. Я увидел, что моё весло уплывает назад по мере того, как мы движемся вперёд, и извернулся, чтобы схватить его, но выронил весло. Чёрт, это не моё, это весло Артёма проплыло мимо меня! А теперь я упустил и своё. Я вскочил, развернулся, бросился животом на баллон, и успел: подхватил оба весла одной рукой, пусть и порядочно замочив себе рукав. Я начал аккуратно подтягиваться обратно на своё место, но едва не свалился в воду, когда катамаран неловко вошёл в поворот, и нас развернуло, при-

бив к берегу. Я выпрямился, вытер лицо мокрым рукавом, осмотрелся.

Река спокойно продолжала своё течение. Дождь моросил, листья падали. Драгин продолжал орать на меня. Вася придерживал плечо лежащего на брезентовой палубе Артёма. Артём, тяжело дыша, судорожно прижимал к груди длинные белые пальцы.

– Артём, у тебя есть какие-то лекарства? Что ты обычно принимаешь в таких случаях?

Вася спокойно и твёрдо повторял вопрос раз за разом, пока Артём, наконец, не выдавил:

– В куртке... Внутри...

– Где куртка?! – заорал Вася, повернувшись к нам.

– В герме, за ним, – растерянно ответил я.

– Так отвязывай!!

Я неловко полез вперёд, путаясь в обвязке и верёвках, непослушными руками отвязал герму, вытащил куртку и протянул её Васе. Вася, бормоча проклятья, принялся шарить по карманам, и вскоре извлёк небольшой белый пузырёк, открыл его, высыпал на свою ладонь таблетки, розовые, жёлтые, и крохотные белые.

– Артём, какие?

– Белую...

– Сколько?

– Одну...

Вася высыпал таблетки обратно в пузырёк, все, кроме од-

ной белой, которою он аккуратно вложил Артёму в руку, и тот немедленно отправил её в рот. Вася шумно выдохнул.

– Какого хрена ты вёсла побросал?! – Драгин было снова принялся орать, но Вася повернулся к нему:

– Всё, Драгин, уймись.

И Драгин почему-то послушался. Выругался себе под нос, достал из-под плаща смятую сигаретную пачку, закурил, взялся за весло:

– Греби, Лаперуза.

Мы с трудом развернули катамаран, вывели его на середине реки и попытались развить хоть какую-то скорость. Артём тем временем поднялся, сел, и тоже потянулся за веслом, но Вася строго сказал:

– Даже не думай.

Теперь мы двигались медленно, хорошо, хоть дождь прекратился на время. Возможности выбраться на берег по-прежнему не представлялось. Прошло полчаса, потом час, а потом начало темнеть. Артём все-таки взялся за весло, только нам это не сильно помогло, и на берег мы выбирались уже в полной темноте. Меня трясло от холода и усталости, и я думаю, что не только меня. Мы с Васей, путаясь в верёвках, натягивали тент, Драгин в одиночку пошёл за дровами, Артём собирал палатки. Все молчали, говорить не хотелось. Все вокруг было сырым, костёр разожгли с трудом, и он едва горел; нам долго не удавалось вскипятить воду.

Переодевшись, наконец, в сухое, я почувствовал себя по-

чти счастливым. После ужина ощущение счастья и вовсе приблизилось к абсолютному. Костёр разгорелся, стал давать достаточное количество тепла и света, мы расселись вокруг, наслаждаясь жаром. Теперь все трудности минувшего дня казалось совсем далекими, а действительность – вот она, в потрескивании костра, сытом пузе, горячем чае и уютном спальнике, который ждёт в палатке. Мне только не давала покоя мысль о спирте и том терапевтическом эффекте, что он на меня оказывал. Драгин прочитал мои мысли, то ли они у нас совпадали, принёс бутылку.

– Ну что, разбавляю?

И тут накатило. Самое жуткое, что именно в этот момент мы ничего подобного не ожидали. Мы просто собирались отметить окончание трудного дня, маленькую победу. Мы были расслаблены и почти счастливы, и не заметили, как это подкралось. Для меня время вдруг остановилось, а вселенная сжалась в одну маленькую точку, расположенную где-то у меня в горле. Я перестал видеть и слышать. Я перестал дышать. Я вообще перестал существовать на короткий миг – и время остановилось именно в этот миг. Меня не было. Никогда. И никогда не будет. Это безнадежно и навсегда. Я не умер – я просто никогда не рождался. Я существовал вне времени, и в этом пространстве, кроме меня, был только страх, стиснувший меня, выворачивая нутро: страх и одиночество, длинной в бесконечность...

Я не знаю, сколько времени это продолжалось.

Это кончилось так же неожиданно, как и началось.

Я обнаружил себя лежащим на земле, обхватившим руками свои колени, по лицу текли слезы. Я лежал, и рыдал, как младенец – не по какой-то конкретной причине, а просто потому, что я живой. Драгин настойчиво тряс меня за плечо. Я, с трудом возвращаясь к реальности, сел, вытер лицо рукавом.

– Ты чего?!

– Не знаю. Что это было?

– Понятия не имею.

– Андрюх, – испуганно позвал Вася, и Драгин, забыв обо мне, бросился к нему.

– Чего такое? Ты что?

– Что это сейчас было?!

– Да что было-то, Вась?!

– Ты что, не почувствовал? Как будто взорвалось где-то! Вроде, рядом... Прямо как волна прошла! И гул такой!.. Ты что, не слышал? Саша, а ты? Ты слышал?

– Я сейчас как будто до пустоты дотронулся, – ответил я, испугавшись собственного осипшего голоса. По спине и в волосах так и бегали электрические мурашки.

– Так, – рявкнул первым взявший себя в руки Драгин, – всем успокоиться! Где Артём?

Он обнаружился тут же, рядом. Сидел, и глядел на меня во все глаза. Вид у него был потрясённый.

– Артём, что это? – спросил я, почему-то уверенный, что он знает ответ.

Артём молча переводил взгляд с меня на Васю.

Драгин подступил к нему, ухватил за воротник, рывком поднял, устанавливая перед собой.

– Артём, какого чёрта?! Что здесь происходит?

Артём молчал; Драгин встряхнул его, раз другой; ещё миг – и Драгин швырнул бы его на землю, но тут Артём, упревая в меня взгляд, решительно выпалил:

– Это метеорит, вы слышали его голос. Не бойтесь, это не опасно!

– Чего? – переспросил Вася. – Метеорит? Этот самый?

Артём кивнул.

– Он что, излучает?!

– Вроде того. Это не опасно, – уверенно повторил Артём.

– Не опасно?! – заорал Драгин, и Артём, сбитый с ног, повалился на траву. – Не опасно? Ты знал, что эта хрень излучает, и ничего не сказал? Знал, и притащил меня сюда?! Меня, Ваську, всех? Реально знал, и молчал?

– Да это же просто голос! – Артём, пытаясь увернуться от сыпавшихся частых пинков, отползал от Драгина в сторону костра. – Он ничего не может вам сделать! Это голос, и всё! От голоса не может быть вреда!

Драгин, с шумом втягивая воздух, на миг застыл, а затем решительно обернулся к Васе.

– Ты слышал? Надо валить отсюда.

Вася не успел сказать и слова, как вдруг внезапное озарение исказило лицо Драгина злобой, и он снова в ярости обрушился на Артёма:

– Ах ты тварь, нам же теперь против течения подниматься, ты понимаешь?!

Артём, уже не пытаясь оправдаться, покорно принимал удары, ежом свернувшись у самого огня. Над поляной поплыл едкий запах; звякнул об котёл задетый чьей-то ногой половник, раздался всплеск. Драгин ожесточённо пнул котёл, тот отлетел в самый огонь, подняв сноп искр. Костёр зашипел, исторг пар, и вдруг сделалось почти совсем темно. Драгин замер. Вася аккуратно взял его за плечо:

– Андрей, остановись. Ты его убьёшь.

– Убью, – согласился Драгин.

– По-моему, у него куртка тлеет.

– Вася! Он только что сказал, что этот метеорит – излучает!

– Остынь. Ну, сказал. Мало ли, чего он сказал. Кого ты слушаешь?

– А если он прав?

– Драгин, опомнись! Ничего тут не излучает! Сам подумай, если бы здесь было излучение, здесь бы оцепили всё, так? Зелёных бы поставили по всему периметру, проволока, собаки, секретность. Да нас бы сюда за версту не подпустили бы!

– А если раньше эта хрень не излучала? А теперь начала?

– Какая хрень, Драгин?! Обломок космического железа?

– Она с самого начала излучала, просто это зафиксировать нельзя, и чувствуют не все, – подал голос Артём. – Я же говорю, это не опасно.

– С чего ты это взял?!

– Знаю. Я уже давно это слышу, – едва слышно ответил Артём.

– Здравсьте, вот и приехали, – шумно выдохнул Вася.

Я оцепенело стоял, наблюдая как Вася и Драгин спасают костёр. Помогать им не было ни сил, ни желания. Пальцы рук всё ещё покалывало. Взмокшая спина остывала, затылок ломило как от холода.

– Может, тут какие-нибудь шахты? Иногда в шахтах газ взрывается, – высказал предположение Вася. – Или самолёт. Знаете, когда самолёты переходят звуковой барьер, бывают такие эффекты... Гул такой, на уши давит... Волна звуковая...

– Я никакого гула не слышал, – возразил Драгин, – Я вообще ничего не слышал. Может, у меня со слухом проблемы? Лаперуза, ты слышал гул?

– Нет. А может, и да. Я не знаю...

– А чего тогда это была за истерика?

Я подёрнул плечами.

– Не знаю. На самолёт точно не похоже.

– У меня это когда первый раз случилось, такое чувство

было, будто мне доской по затылку заехали, – усмехнулся Артём, глядя в темноту, – если б не лежал – точно рухнул бы. Причем самого удара как будто не было, только горизонт вертикально, а за ним – вечность. А теперь... Уже почти нормально. Это ничего, можно привыкнуть.

Перспектива заставила меня вздрогнуть.

– Привыкнуть?

– Ну... У меня же получилось, значит, каждый может. До меня, правда, тоже не сразу дошло, как надо. Первое время тяжело было, я даже сознание терял. А потом понял – это такая волна. Её надо просто переждать. Как будто через себя пропустить, насквозь. Не дать зацепиться. Она как бы за твои мысли цепляется, но если их нет – то насквозь проходит, и тогда нормально. Понимаешь? – он вопросительно уставился на меня.

– Ты сам-то понимаешь, что говоришь? – вступил Драгин, – Ты бы уже определился, голос, не голос, то излучение, теперь волна. Молчал, молчал, и вдруг заговорил. Лаперуза, вон, слушает, аж рот раскрыл.

– Чего теперь молчать, раз вы сами всё слышали?

– А что мы слышали? Лично я – ничего. У меня, похоже, слух плохой. Тут, говорят, чуть ли не шахты взрывают, а я – не слышу. Ни волн, ни голосов. Ничего.

– Это же не все слышат. Я вообще не ожидал, что кто-то, кроме меня...

– Это почему же? Ты что, какой-то особенный?

– Я так думал, – неуверенно ответил Артём. – Я же, когда это началось, мёртвый был. В смысле, я умер как раз в тот момент, как эта штука с неба упала. Я думал, поэтому я её и слышу, и не ожидал, что кто-то ещё...

– Заткните ему рот, – театрально застонал Драгин.

– Нет уж, пусть теперь говорит, – возразил Вася. – Очень любопытно.

– А что говорить? Я уже всё сказал. Когда этот метеорит упал, я был на том свете. А потом меня на этот вернули. Но пока я был там, я видел не врата райские и всяких апостолов, а этот лес, и эту реку. Как бы сверху, как птицы видят, только более схематично. Мне потом пришлось тонну карт пересмотреть, пока я это место нашёл.

– А почему ты умер? – спросил я.

– Дурак потому что.

– В смысле, из-за чего?

– Считаю, что-то вроде самоубийства.

– Действительно, дурак, – согласился Вася, – А сюда зачем поехал?

– Разобраться хочу. Что это, почему я видел то, что видел, и слышу то, что слышу. Пока не поздно.

– И как ты собираешься разбираться?

– Найду этот метеорит.

– Как ты его найдёшь?! Военные не нашли, ученые не нашли, а ты такой раз – и найдешь?

– Ни военные, ни ученые не видели того, что видел я.

И не слышали того, что слышал я. И вообще, Драгин, это моя проблема. Твоя забота – катамараны, – спокойно ответил Артём, и развернулся, чтобы уходить.

– Стоять! – рявкнул Драгин. – Куда?

– Спать.

– Туда, – Драгин указал на свою палатку. – Чтоб я тебя видел. Сегодня все вместе спим.

Артём только плечами повёл.

И вдруг до меня дошло:

– Артём, ты что же, всё время его слышал?! Не только сейчас? Не только здесь, но и там, у себя дома, тоже?

– Ну, конечно. Я же говорю, у меня это по-другому, – Артём смущенно улыбнулся и покачал головой. – Напугал я вас, да?

Мне показалось, что он сейчас рассмеётся и скажет, что разыграл нас, объяснит, что это было и объяснение наверняка окажется простым и разумным. И тогда я, наверное, вружу ему по лицу. Но он не сказал.

Эту ночь мы спали в одной палатке, в тесноте. Артём и Драгин, лежащие по краям, быстро уснули, а мы с Васей ещё долго прислушивались к темноте. Ночью никаких волн не было, а может и была одна, совсем слабая, уже под утро; я опять проснулся от чувства страха, но то ли оно уже было мне знакомо, то ли я слишком измотался накануне, что я быстро успокоился и заснул снова.

Проснулись мы почти одновременно. Произошедшие накануне события в свете наступившего утра утратили реальность, и я испытывал неловкость за свой вчерашний испуг. Да что там неловкость – то был стыд, усиленный пониманием, что отныне Драгин не будет упускать повода припомнить мне моё немужское поведение.

В палатке было тесно и жарко, Драгин завозился, одеваюсь, и растолкал Васю, Вася, по цепочке, меня, я Артёма.

Небо оставалось затянутым облаками, но воздух потеплел, будто вернулся сентябрь.

– Я за ночь весь взмок, – пожаловался Драгин, устраивая котелки с водой над костром.

– Я тоже, – поддержал я.

– Предлагаю освежиться перед завтраком, – сказал Вася. – Пожалуй, я полезу в реку. Взбодрюсь. Драгин, где наши полотенца?

– В моём рюкзаке, на самом дне. Сиди! Сам достану, – он жестом остановил уже направившегося к палатке Васю, и решительно погрузился туда сам. Прошло немало времени прежде чем он выбрался оттуда с довольной миной и свертком полотенца в руках.

– Подождите, – решил я, подумав, что утренний заплыв в ледяной реке сможет хоть как-то меня реабилитировать, – я с вами.

На берегу у самой воды мы торопливо скинули одежду, и, не давая себе времени передумать, одновременно бросились

в обжигающе холодную воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.